

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XL международной научно-практической конференции*

№ 9 (40)
Сентябрь 2014 г.

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

В 59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — канд. тех. наук, д-р философии по искусствоведению, ст. науч. сотр., заведующий лабораторией Государственного учреждения «Институт пищевой биотехнологии и геномики Национальной академии наук Украины» (ИПБГ НАН Украины).

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук рецензент НП "СибАК";

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренка;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. № 9 (40). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 82 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Культурология	5
1.1. Теория и история культуры	5
ЗНАЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА И ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	5
Вигель Нарине Липаритовна	
Секция 2. Языкознание	10
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	10
ИНДИЙСКИЕ КУЛЬТУРОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ	10
Грудева Елена Валерьевна Елистратова Ксения Александровна Минец Диана Владимировна	
2.2. Германские языки	20
ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГОРДОСТЬ / PRIDE И БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ВО «ПРИГОРШНЯ ПРАХА»)	20
Сергиенко Виктория Леонидовна	
2.3. Романские языки	26
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ КАК СОСТОЯНИЯ (ТОПОСА И СУБЪЕКТА) (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОМЕНА ГАРИ «ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ»)	26
Бритвин Дмитрий Викторович	
2.4. Теория языка	32
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЗВУКОПРОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	32
Мишина Наталья Олеговна	

2.5. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	37
КАТЕГОРИЯ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ Боханова Айгуль Серикбаевна	37
2.6. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	51
ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ В МОНГОЛЬСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ Пурэв Энхжаргал	51
Секция 3. Искусствоведение	57
3.1. Музыкальное искусство	57
РУССКИЙ РОМАНС: ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Кривошей Ирина Михайловна	57
3.2. Хореографическое искусство	62
ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В БУДДИЙСКО- ЛАМАИСТСКИХ МИСТЕРИЯХ ЦАМ Сундуй Джульетта Маадыр-ооловна	62
ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В ОБРЯДАХ И РИТУАЛАХ ТУВИНСКИХ ШАМАНОВ Сундуй Джульетта Маадыр-ооловна	73

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ЗНАЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА И ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Вигель Нарине Липаритовна

*д-р филос. наук, профессор кафедры Истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: 22nara@mail.ru*

VALUE OF THE EDUCATIONAL TRANSLATION AND COMMUNICATION IN THE COURSE OF THE FOREIGN LANGUAGE TRAINING

Narine Wiegel

*Ph.D., professor of the department History and philosophy
Rostov state medical university,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены учебный перевод и общение как особые виды деятельности человека в сфере духовной культуры. Герменевтический подход, применяемый в процессе обучения иностранному языку, способствует пониманию определенной предметной и общественной ситуации, эмоционального настроения иностранного текста.

ABSTRACT

This article is considered educational transfer and communication as special kinds of activity of the person in the sphere of spiritual culture. The hermeneutic approach applied in the course of training in a foreign language promotes understanding of a certain subject and public situation, emotional spirit of the foreign text.

Ключевые слова: герменевтика; понимание; объяснение; учебный перевод; общение.

Keywords: hermeneutics; understanding; explanation; educational translation; communication.

Учебный перевод и общение при обучении иностранному языку как особые виды деятельности человека в сфере культуры содержат специфические уникальные возможности духовной, интеллектуальной и художественной самореализации учащегося, проявляющего «языковую открытость» [4, с. 8]. Последняя раскрывается в таком виде деятельности, которая требует от учащихся знания, опыта, широты кругозора, глубокого понимания особенностей творчества и личности автора текста, учета исторического своеобразия эпохи, умения соотнести форму и содержание с оригиналом, владея всеми доступными способами, приемами в процессе учебного перевода и общения.

Поскольку в процессе учебного перевода студент, пользуясь «встроенной лексикой» [5, с. 14], переводит имеющийся материал или вступает в общение на иностранном языке и воссоздает его в другой системе языковых значений, то его деятельность является вторичной. Стремление к языковым соответствиям носит творческий характер. Творческий характер деятельности студентов в процессе учебного перевода и общения на иностранном языке проявляется во время понимания оригинала или речи и истинной интерпретации текста.

Процесс же интерпретации связан с «языковым сознанием» [3, с. 55], а также с комплексной методологической проблемой, в которой разумно сочетаются и дополняются точное, полное и всестороннее представление о различных аспектах понимания. А глубокое понимание всегда предполагает умение применять усвоенные знания к решению конкретных проблем, к анализу других случаев. Последнее служит причиной распространения герменевтических идей.

Движение процесса понимания связано с объяснением, которое на каждом этапе понимания направляет это движение по логически правильному пути. Наряду с этим при объяснении указывается структура, в которую входят языковые единицы, начиная с частных структур и заканчивая высшими структурами. Эти все структуры взаимосвязаны, и в конечном счете дают смысл интерпретируемого высказывания. В целом процесс объяснения преподавателя при общении на иностранном языке выступает как этапный метод. Объяснение осуществляется на базе некоторых результатов, полученных на предыдущих этапах обучения иностранному языку. В ходе объяснения создаются предпосылки для дальнейшего этапа понимания. Объяснение и понимание дополняют друг друга. И если на ранних этапах понимания объяснение выполняло функцию интерпретаторскую, то на последующих оно больше имеет систематизирующую функцию, имеющую обобщающий характер. Эта функция представляет собой комплекс линейных и уровневых систем. Линейные объяснительные системы представляют собой отдельные положения, принадлежащие к одному и тому же гносеологическому и логическому уровню. При объяснении наблюдается переход от линейных систем к уровневым и наоборот. Как правило, при уровневой системе охватывается ряд первичных объяснений. Эта система отражает процесс проникновения во все более глубокую сущность исследуемого объекта.

«Понимание — необходимый элемент общения, понимание выражается в соотносении высказываний о предмете общения» [1, с. 105]. Поэтому так необходимо установить связь между элементами ситуации и их значимостью, которые составляют структуру функционирующего целого на иностранном языке. Задача студента заключается в том, чтобы собрать отдельные элементы в одно целое, способное функционировать. Фактически учащийся должен достичь такого уровня понимания на каждом этапе объяснения, чтобы те или иные языковые единицы могли дать толчок новому витку понимания и были связаны с отраженными в сознании предметами и явлениями. Более того, усвоение знаний предполагает ту меру их понимания, которая необходима для их запоминания. В этом важная роль принадлежит обобщению как на отдельных этапах понимания, так и при окончательной интерпретации.

Общение преподавателя и студента на занятиях по иностранному языку — один из способов и условие развития личности. Поэтому учение через общение на иностранном языке — это взаимовлияние преподавателя и студентов, что невозможно без взаимного понимания.

В результате научно-практического исследования нами сделаны следующие выводы:

- Общение преподавателя и студента в процессе учебного общения при обучении иностранному языку носит герменевтический характер, что является благодатной почвой для использования герменевтического подхода к исследуемому материалу.

- Результаты анализа и синтеза при исследовании высказывания на иностранном языке показали, что целое больше суммы входящих в него частей и обладает новым качеством, получаемым в виде интерпретации смысла высказывания, целое не сводимо механически к сумме его элементов.

- Особенность герменевтического подхода к исследованию общения на иностранном языке заключается в том, что все этапы понимания, формируемые при помощи объяснения и интуиции, следуя часто в системном порядке, образуют звенья одной и той же цепи, необходимой для достижения полноценной интерпретации высказываний преподавателя, их смысла и идеи.

Получая возможность благодаря учебному переводу и общению при изучении иностранного языка проникнуть в культуру другого народа, познать ее, оценить и переработать, учащиеся студенты вступают в диалог с другими культурами, за счет чего происходит культурный обмен, взаимообогащение, приобщение к сокровищам мировой культуры.

Выступая как средства развития и взаимовлияния языков и языковых средств выражения, учебный перевод и общение являются значительной ценностью в широком культурном процессе.

Деятельность студента связана с пониманием смысла и речи, приобретением знаний [2, с. 80], которые характеризуются следующими особенностями:

- а. передача готовых смысловых структур и значений;
- б. понимание определенной предметной и общественной ситуации, в которой создается иностранный текст;
- в. сохранение эмоционального действия, которое оказывается оригиналом.

Учебный перевод и общение являются универсальными средствами общения между студентами и преподавателями. Они необходимы в учебно-практической деятельности, в межличностных контактах. При этом учебный перевод и общение имеют функции познавательно-просветительского характера, функцию накопления и хранения знаний и опыта человечества, функцию преемственности, общекультурную, воспитательную, нормативную и коммуникативную.

Список литературы:

1. Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: Дисс. ... канд. филос. н. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.
2. Алоян Н.Л. Свобода и необходимость в древнегреческой трагедии // Философия права. — 2008. — № 3. — С. 77—80.
3. Алоян Н.Л., Черникова В.Е. Человек в современном культурном пространстве. Ростов-н/Д.: Антей, 2009.
4. Вигель Н.Л. Феномен билингвизма в эпоху постмодерна // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 37. — С. 6—11.
5. Вигель Н.Л. Процесс моделирования языка у монолингвов и билингвов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 38. — С. 12—15.

СЕКЦИЯ 2.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК ЯЗЫКИ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ИНДИЙСКИЕ КУЛЬТУРОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ
ТЕКСТАХ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ: СЕМАНТИКА
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Грудева Елена Валерьевна

*д-р филолог. наук, профессор,
зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Череповецкий государственный университет,
РФ, г. Череповец
E-mail: egrudeva@gmail.com*

Елистратова Ксения Александровна

*аспирант кафедры
отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Череповецкий государственный университет,
РФ, г. Череповец
E-mail: xenos88@mail.ru*

Минец Диана Владимировна

*канд. филолог. наук, старший преподаватель кафедры
отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Череповецкий государственный университет,
РФ, г. Череповец
E-mail: nietzsche666@mail.ru*

INDIAN CULTURONYMS IN POETIC TEXTS OF VERA POLOZKOVA: SEMANTICS AND FUNCTIONING

Elena Grudeva

*doctor of Philology, professor, Head of Department of Russian Philology
and Applied Communications, Cherepovets State University,
Russia, Cherepovets*

Ksenia Elistratova

*post graduate student of Department of Russian Philology
and Applied Communications, Cherepovets State University,
Russia, Cherepovets*

Diana Minets

*candidate of Philological Sciences, senior lecturer
of Department of Russian Philology and Applied Communications,
Cherepovets State University,
Russia, Cherepovets*

*Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере
научной деятельности № 2014/267 от 31 января 2014 г. (проект
«Компьютерные технологии в структурно-функциональном изучении
текста»).*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям функционирования индийских культуронимов в поэтическом творчестве современного поэта-блогера Веры Полозковой. Материалом исследования послужили извлечённые методом сплошной выборки из поэтического цикла «Индия» апеллятивные культуронимы. Показано, что в указанном цикле индийские культуронимы выполняют одновременно пространственную и сравнительно-описательную функции.

ABSTRACT

Article is devoted to performance peculiarities of Indian culturonyms in poetic works of modern blogger-poet Vera Polozkova. Appellative culturonyms from the poetic cycle “India” extracted by continuous sampling method have served as data for study. It has been demonstrated that in the mentioned cycle Indian culturonyms simultaneously fulfil spatial and comparative-describing functions.

Ключевые слова: культуранимы; апеллятивы; Индия; сетевая поэзия; Вера Полозкова.

Keywords: culturonyms; appellatives; India; network poetry; Vera Polozkova.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий широко используется термин «культураним», введенный В.В. Кабакчи для обозначения языковых единиц (различных языков), закрепленных за элементами различных культур [5]. Указанное понятие и соответствующий термин были введены в связи с преподаванием иностранных языков, изучением особенностей межкультурной коммуникации. В современной лингвистике культуранимы становятся объектом изучения также в связи с проблемами культурной грамотности как таковой [1; 6; 7; 8; 9; 10]. В данной статье культуранимы рассматриваются в связи с их особой ролью в художественных (в данном случае — поэтических) текстах, где они в том числе служат воссозданию национально-культурного колорита, формированию системы особых изобразительно-выразительных средств и в целом поэтического идиостиля.

Объектом анализа в рамках настоящей статьи стали индийские культуранимы с коннотативным значением, отличающиеся своей семантической привязкой к конкретному контексту, в поэтическом цикле «Индия» современного молодого поэта-блогера Веры Полозковой.

Поэтический цикл «Индия» Веры Полозковой начал создаваться автором с 2008 года (16 текстов: *«Дели»*, *«Варанаси»*, *«Каджурао»*, *«Орча»*, *«Семь ночей»*, *«Агра»*, *«Древнерусская тоска»*, *«Пушкар»*, *«Каникулы на Луне»*, *«Джайпур»*, *«Гоа»*, *«Как водится»*, *«Последнее утро»*, *“back to paradise”*, *«Моя Индия»*, *“the very last one”*) и продолжает пополняться до сих пор, отражая экзотические реалии топоса. Так, на протяжении 2012—2014 гг. цикл был дополнен 11 текстами: *«Ману»*, *«гроза»*, *«Записки випассаны»*, *«птица»*, *«Четыре извещения»*, *«Летний романс»*, *«рябью»*, *«как будто»*, *«Бобби Диллиган»*, *«за моей кромешной, титановой, ледяной обидой на мир...»*, *«что рассказал шанкар своему другу раджу, когда вернулся домой...»*.

Центральным семантическим мотивом цикла «Индия» выступает топикализация страны как специфическое средство ее моделирования и репрезентации в поэтическом дискурсе. Важнейшую роль в реализации этого мотива играют индийские культуранимы. Каждый текст включает в себя неповторимые атрибуты страны, которые в том

числе номинируются с помощью слов, представляющих собой индийские культуронимы.

Все индийские культуронимы, участвующие в передаче концептуальной информации, обладающие ярко выраженными национально-культурными ассоциациями, мы условно разделили на собственно *ономастические*, или *индионимы*, и *апеллятивные* – *прочие индийские культуронимы*.

Особенностям функционирования собственно ономастических культуронимов в указанном цикле Веры Полозковой посвящена наша статья [2]. Ономастикон поэзии Веры Полозковой в целом стал предметом монографического исследования одного из авторов данной статьи [4].

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на апеллятивных индийских культуронимах. В поэтическом цикле «Индия» были обнаружены апеллятивные индийские культуронимы, служащие для обозначения:

1) бытовых реалий (18 ед.):

- *еда* («*ласси*¹ из *папайи*», «надо брать *парату*² — *парата* везде *вкусна*», «ем *кюфту*³ из железной миски», «водопады с радугой в мелких брызгах, и вкус *бирьяни*...», «...принесла мне горячих *роти*⁴ и *плошку дала*⁵...»);

- *напитки* («Воды Ганга приправлены воском, трупами и мочой / и жирны, как *масала-чай*⁶», «попиваем свой *оранжад*⁷»,

¹ *Ласси* — популярный индийский напиток. Приготавливается на основе йогурта с добавлением воды, соли, сахара, специй, фруктов и льда путём быстрого взбивания.

² *Парата* — индийская лепёшка с пряной начинкой.

³ *Кюфта* — род *фрикаделек*, сделанных преимущественно из баранины или говядины, которые могут готовиться в разных вариациях.

⁴ *Роти* — традиционный пресный хлеб в Центральной Индии.

⁵ *Дала* — густой индийский суп из чечевицы.

⁶ *Масала-чай* — «чай со специями» - напиток родом из Индийского субконтинента, получаемый путем заваривания чая со смесью индийских специй.

⁷ *Оранжед* — прохладительный индийский напиток из апельсинового сока и содовой воды.

«запах тертой кожи, прохлады кёрда, слюда и медь...», «И поцелуй с губ его текут, / Как масло ги⁸...»);

- **одежда** («как выцветают в тебе индийские сари⁹», «Земляков с Гоанщины узнаешь по печеным носам, соломенным волосам / Барабанам, привешенным к поясам / А я в али-баба штанах...»);

- **декоративная косметика** («... черное, как каджал¹⁰...»);

2) **культурных реалий (10 ед.):**

- **музыкальные инструменты:** «...но никто из мужчин не поет для них, / не играет для них на таблах¹¹...»);

- **ткани** («...тонкий хлопок и кашемир...»);

- **драгоценные камни:** «белое, как таджмахальский мрамор, и чёрное, как каджал»);

- **название праздников:** «и моя сангита аж всплеснула руками...»¹²;

- **язык:** «...указатели на английском и хинди...»;

- – **национальность:** «...что ни индеец, то изумруд...», «седовласый индус, на полу разложив газетку, / чистит фрукты...».

3) **государственно-административных и общественных терминов (3 ед.):**

- **деньги:** («Вот они, все мои последние рупии¹³, указатели на английском и хинди...», «Ласси из папайи за двадцать рупий...», «Ужин на троих стоит пять бачей...»);

- **титулы:** («Махараджи¹⁴ умели строить себе дворцы...»);

4) **природного мира (18 ед.):**

⁸ Ги, гхи — разновидность очищенного топленого масла, широко распространенного в Индии.

⁹ Сари — традиционная женская одежда на Индийском субконтиненте.

¹⁰ Каджал — разновидность индийской декоративной косметики (черная натуральная травяная подводка для глаз).

¹¹ Таблы — индийский ударный музыкальный инструмент.

¹² Сангит — одно из событий в подготовке свадьбы (женщины из семьи невесты приглашают всех родственниц и женщин со стороны жениха и, собравшись вместе, поют песни, танцуют, желают счастья и благополучной семейной жизни невесте; оканчивается этот праздник разнообразным и вкусным угощением, которое готовят родственницы невесты). В поэтическом цикле Веры Полозковой «сангита» — персонифицированное обозначение невесты.

¹³ Индийская рупия — денежная единица в Индии.

¹⁴ Махараджи — индийский князь; высший титул из доступных индийцу.

• **флора и фауна:** «Дело к вечеру, где-то уже включается электрический треск *цикад...*», «Звезды были придуманы для того / чтоб от лагеря взять *верблюда*, поехать через пески...», «Мы ночуем в пустыне, мама, пахнет кострами, травами / и *верблюдами*, ущемляемыми в правах...», «Тому, что *храмовая мартышка* входит в разряд / влиятельнейших персон», «мокрая *мартышка* глядит настоящим лешим...», «...отраженья, касанья, *папайи...*», «*Лайм, виноград, гранат* / В тебе создают рот ...».

5) **религии и философии (13 ед.):** «записки с *випассаны*»¹⁵, «*медитирует-медитирует* садху немолодой, «там, где *категория времени бесполезна как таковая: / ом намо бхагавате васудевайя*», «ты гораздо дальше теперь, когда мы говорим о *дхарме и бхакти-йоге...*».

Одним из доминантных концептуализаторов страны является «молчание», так как молчание в Индии – не просто внешний отказ от речи, а «тишина ума»: тех, кто смог этого достичь, называют «муни», или «достигшими состояния внутреннего безмолвия» (ср. у Веры Полозковой «*молчанье точней, чем речь...*»; «...*что молчанье речь ...*»). Большая часть фразеологизмов в поэтическом цикле Веры Полозковой переосмыслена: «*Того, чего не имеешь, — не потерять, / что имеешь — не уберечь...*» (ср. Марк Аврелий «Наедине с собой. Размышления»: «Ибо настоящее — единственное, чего они могут лишиться, *раз это и только это, имеют, а чего не имеешь, то нельзя потерять*»); «Я на севере Гоа, Тим, тут такой же бог, как у нас, но куда чуднее дела его...» (ср. «Апокалипсис, или Откровения святого Иоанна Богослова»: «*Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель!*»); «...*что окажешься на вершине, дойдя до дна...*» (ср.: «Евангелие от Матфея»: «так последние станут первыми, а первые — последними»); «*И тому, что все тлен / и все обратится в тлен...*» (ср.: «Книга Экклезиаста»: «... *все произошло из праха и все возвратится в прах*»); «...*часы твои сочтены...*» (ср.: фразеологизм «дни сочтены»).

Анализ группы апеллятивных индийских культуронимов в поэтическом цикле «Индия» Веры Полозковой показывает, что поэт особо акцентирует внимание на оппозиции «Россия-Индия». Все апеллятивные индийские культуронимы условно можно разделить

¹⁵ *Випассана* — одно из направлений развития человека с помощью буддийской медитации и отдельные методики такой медитации.

на две группы по их функционалу. Для подтверждения данного тезиса остановимся на стихотворении «За моей кромешной, титановой, ледяной обидой на мир...» (2013). Тема текста — константные признаки, «часть высказывания, которая делает его осмысленным и позволяет реме быть ремой, в которой выражено то, что представляется отправителю наиболее важным и актуальным» [3, с. 103]. В нашем случае это личные переживания поэта, а рема — апеллятивные индийские культуронимы, образующие семантическую основу стихотворения, см. *Табл.*

Таблица 1.

Апеллятивные индийские культуронимы (на примере стихотворения Веры Полозковой «За моей кромешной, титановой, ледяной обидой на мир...»)

Семантический тип индийского культуронима	Иллюстративный материал	Энциклопедическая справка
Рельеф	«происходили монастыри и скалы...»	Индийские монахи на протяжении долгих лет вырезали в скалах невероятные строения, основывая там монастыри. После того как пещера была готова, монахи украшали ее фресками и различными фигурами, заполняли интерьер статуями. Пещерные храмы Индии демонстрируют ранние следы человеческой жизни и культуры и важность буддизма в истории страны
	«водопады с радугой в мелких брызгах...»	Индийские водопады относят в десятку лучших водопадов мира. Наиболее известны следующие водопады: Герсоппа, Дудхсагар, Паларуви, Хогенакал
Философия	«...отзвук дальнего пения... / .../ сколько нужно труда, аскезы...»	В античной Индии обретение могущества и высокого статуса путём аскезы было исключительной привилегией брахманов. Аскеза считалась верным способом достичь сверхъестественных сил и даже обрести могущество, позволяющее стать вровень с богами. В Индии распространено чтение речитативом духовных писаний. Индийская форма исполнения мантр обычно состоит в повторении различных имен Бога.

<p>Культура (архитектура)</p>	<p>«белое как <i>таджмахальский мрамор</i>, черное, как <i>каджал</i> / месяц как заточенная монета, что режет бархат со звёздами, кошачий коготь или кинжал...»</p>	<p>Тадж Махал — мавзолей-мечеть, находящийся в <u>Агре</u>. Построен по приказу потомка <u>Тамерлана</u> — <u>падишаха Империи Великих Моголов</u> <u>Шах-Джахана</u> в память о жене <u>Мумтаз-Махал</u>, умершей при родах четырнадцатого ребёнка. Стены выложены из полированного полупрозрачного <u>мрамора</u> с инкрустацией из самоцветов. Мрамор имеет такую особенность, что при ярком дневном свете он выглядит белым, на заре розовым, а в лунную ночь — серебристым. Согласно неподтверждённой легенде, на другом берегу реки должно было располагаться здание-близнец из чёрного мрамора, но оно не было достроено. Символическое значение имеет венец мавзолея, который озаглавлен месяцем в типичном исламском стиле, рожки его указывают ввысь.</p>
<p>Бытовые реалии (ткань, драгоценные камни, еда, напитки)</p>	<p>«тонкий хлопок и кашемир...»</p>	<p>Кашемир — <u>пух (подшёрсток)</u> горной козы, обитающей в регионах <u>Индии</u>, которая является крупнейшим поставщиком кашемира по всему миру. Хлопок является одним из старейших натуральных волокон на земле. Официальной родиной хлопчатника является Индия. Согласно индийским верованиям, хлопок — дар небес, полотно, из которого изготавливают подушку Богу.</p>
<p>«...тепла и бирюзы...»</p>	<p>«...тепла и бирюзы...»</p>	<p>Бирюза является священным камнем в Индии. Камнем благословляли моряков, охотников и воинов. Кроме этого, бирюзу закапывали под жилище, чтобы в доме были достаток и изобилие.</p>
<p>«...вкус бирьяни...»</p>	<p>«...вкус бирьяни...»</p>	<p>Бирьяни — индийское второе блюдо из риса, специй, с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.</p>
<p>«...прохлада кёрда...»</p>	<p>«...прохлада кёрда...»</p>	<p>Кёрд — популярный индийский кисломолочный продукт, изготавливаемый из молока буйвола, поэтому напиток отличается по своей густоте.</p>
<p>Флора</p>	<p>«...отраженья, касанья, <i>панайи</i>...»</p>	<p>Индия — страна-лидер по производству панайи (или дынного дерева)</p>

В рассматриваемом тексте парадигма индийских культуронимов участвует в формировании фрагмента индивидуально-авторской картины мира. Ономастические и апеллятивные индийские культуронимы являются своеобразными топонимическими ориентирами, позволяющими составить не только маршрут автора по стране, но и эксплицировать экзотические реалии Индии: номинация городов / штатов Индии – это не только географический, но и пограничный знак, свидетельствующий о локализации текста в пространстве (маршрут поэта по восточной стране: *Дели* → *Варанаси* → *Каджурао* → *Орча* → *Агра* → *Пушкар* (*штат Раджастан*) → *Джайпур* → *Гоа*). В большей части текстов поэт актуализирует смысловые бинарные оппозиции, которые характеризуют не только взаимоотношения между Индией и Россией, но и дают атрибутивную оценочную характеристику восточной стране.

Ономастические и апеллятивные индийские культуронимы в поэтическом цикле Веры Полозковой «Индия» выполняют одновременно пространственную и сравнительно-описательную функции: «У тебя неплохой отель, только *в храме Шивы* сразу за ним / служба начинается в пять утра ...», «Ты гораздо дальше теперь, когда мы говорим о *дхарме* и *бхакти-йоге*...», «Ехали в *Панаджи* — не столько я покидала *Гоа*, / сколько *Гоа* стал покидать меня...» — «*мы рыжая нить поверх / Белых Его штанов*» (цветовая маркировка связана с социально-кастовым делением общества в Индии, где белый цвет ассоциируется с брахманами, красный — это цвет воинов).

В заключение отметим, что в поэтическом дискурсе современного поэта-блогера Веры Полозковой поэтический цикл «Индия» являет собой поликомпонентное образование, в котором индийские культуронимы актуализируют обширный страноведческий материал (от культурно-оценочных единиц, получающих языковое выражение при конкретном употреблении имен собственных, до прецедентных элементов разных темпоральных срезов и апеллятивов).

Список литературы:

1. Грамотны ли Вы, или 5000 слов, которые помогут проверить это / Сост. В.А. Пушных, Н.Н. Шевченко. Томск, 1994.
2. Грудева Е.В., Елистратова К.А., Минец Д.В. Индийские культуронимы в поэтических текстах Веры Полозковой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. В печати
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX—XX вв. М., 2006.

4. Елистратова К.А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосомиотический аспект. Saarbrücken, 2013.
5. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие [для изучающих англ. яз.]. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, ИВЭСЭП, 1998.
6. Как проверить культурную грамотность: Словник и тестовые задания / Сост. В.А. Козырев, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк. СПб., 2008.
7. Минец Д.В., Елистратова К.А., Грудева Е.В. Лакунарность в ономастиконе современного носителя языка в аспекте проблемы культурной грамотности // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XII выездной школы-семинара (29—30 ноября 2013 г., г. Череповец) / Отв. ред. Е.В. Грудева. Череповец: ЧГУ, 2014. — С. 119—129.
8. Grudeva E.V., Minets D.V., Elistratova K.A. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy // Life Science Journal. — 2014. — № 11 (12 s). — P. 616—619.
9. Hirsch E.D. A first dictionary of cultural literacy. Boston: Houghton Mifflin, 1989.
10. Hirsh E.D., Kett J.F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2002.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ГОРДОСТЬ / PRIDE И БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. ВО «ПРИГОРШНЯ ПРАХА»)

Сергиенко Виктория Леонидовна

ассистент кафедры иностранных языков,

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаныка,

Украина, г. Ивано-Франковск

E-mail: vika_77777777@mail.ru

VERBAL REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL SEMIOTIC CONCEPTS PRIDE AND NOBILITY IN ENGLISH FICTION OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE NOVEL “A HANDFUL OF DUST” BY E. WAUGH)

Sergienko Victoria

teaching assistant of Foreign Languages department,

PreCarpathian National University named after Vasyl Stefanyk,

Ukraine, Ivano-Frankovsk

АННОТАЦИЯ

В статье осуществляется объективация смыслового наполнения номинативных полей лингвокультурных семиотических концептов ГОРДОСТЬ / PRIDE и БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY, которая определяется языковой репрезентацией их компонентов (на материале текста английской художественной прозы начала XX века).

ABSTRACT

In the article representation of the nominative fields content of linguocultural semiotic concepts PRIDE and NOBILITY was accomplished, determined by verbalization of their components (based on the English fiction work of the beginning of the XX century).

Ключевые слова: метод полевого моделирования; номинативное поле; лингвокультурный семиотический концепт.

Keywords: field analysis; nominative field; linguocultural semiotic concept.

Изучение культуры любого народа часто нуждается в комплексном подходе, который учитывает не только языковые и социальные факторы, но и национальную специфику языковой картины мира, этнически обусловленные стереотипы языкового поведения и т. д. На формирование национальной картины мира влияют исторические события, место обитания народа, общественное устройство, религия и другие немаловажные факторы. В ходе исторического развития каждого народа меняются его моральные установки, т. к. для каждой эпохи характерны свои взгляды, нормы и традиции, следовательно, формируется общественная психология, что, в свою очередь, отражается на языковом сознании нации.

Взаимосвязь языка с сознанием человека, его культурой и духовной жизнью, универсальностью и спецификой языкового поведения разных народов предусматривает уточнение понятия лингвокультурного семиотического концепта в современной лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, когнитивной ономазиологии, в частности, лингвоконцептологии и лингвосемиотике (работы А. Вежбицкой, С.Г. Воркачова, И.А. Голубовской, Н.Г. Есыпенко, И. Зинкена, В.Л. Ивашенко, В.И. Карасика, В.И. Кононенко, В. Крофта, А.П. Мартынюк, В.А. Масловой, Н.Б. Мечковской, В.В. Мыхайленко, Л.С. Павлюк, З.Д. Поповой, А.Н. Приходько, Е.А. Селивановой и др.). Язык в роли безупречной системы символизации коллективного опыта становится своеобразным ключом к пониманию культуры [цит. по: 1, с. 193]. Существует мнение о том, что главная единица ментальности, концепт данной культуры, реализуется в виде образа, понятия или символа и в языковом знаке, и, в целом, в языке [7]. Г.Г. Слышкин и В.И. Карасик акцентируют свое внимание на определении концепта культурой, его размещении в сознании и выражении языком или речью. Лингвокультурный концепт отличается от других концептов ценностным компонентом [5, с. 76, 77]. Семиотическая характеристика концепта предопределена одним из трёх «измерений» концепта — номинативным, означающим вербализацию концепта в естественном языке. С.Г. Воркачев ориентирует этот термин на «тело знака» — имя концепта, то есть воплощающее его слово [4, с. 8].

Для детерминирования этнокультурной специфики концепт используется как единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение. Исходя из когнитивного и лингвокультурного подходов к анализу концептов, нами сформулировано следующее определение термина: лингвокультурный семиотический концепт — это мыслительная единица ментальности, духовной культуры отдельного этноса, которая несет в себе знания человека об окружающем мире, опыт пребывания в нем, отображается в человеческом сознании, представляет идеальную природу знака и имеет качество вербальной репрезентации.

Художественные тексты, выступающие «фрагментами» реальности конкретного отрезка времени, выражены языковыми знаками. В них фиксируется информация о внешнем мире, отображается историческая специфика конкретной эпохи [6, с. 9—10]. Текст — это «контейнер знаков, перемещающийся в пространстве и времени» [8, с. 51].

В качестве **материала исследования** был рассмотрен роман английской литературы «Пригоршня праха» И. Во.

Актуальность исследования лингвокультурных семиотических концептов *PRIDE* и *NOBILITY* предопределяется необходимостью их объективации, основанной на извлечении сем, отображающих особенную смысловую нагрузку лексем, вербализирующих концепты.

Неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности имеет высокую номинативную плотность. Метод полевого моделирования позволяет раскрыть смысловое наполнение концептов *PRIDE* и *NOBILITY* в текстах художественной литературы конкретного исторического периода. Полевое моделирование вербализированной структуры концептов *PRIDE* и *NOBILITY* делает возможным строительство структурной иерархии лексических значений в виде номинативных полей, представленной одновременно прямыми значениями и средствами культурно-специфической номинации. Номинативное поле — это совокупность элементов, связанных структурно, имеющих семантическое единство, представленных разными частями речи; в структуре поля выделяются микрополя, ядерные и периферийные конституэнты [2, с. 5—6]. Для ядерно-периферической структуры поля характерны максимальная концентрация признаков, образующих поле, в ядре и неполный набор этих признаков с возможным ослаблением их интенсивности в периферической части поля [5, с. 77].

Номинативное поле концептов включает в себя ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. К языковым средствам выражения

(номинантам) номинативного поля концепта принадлежат: лексемы *pride* (*n*) и *nobility* (*n*) в роли репрезентантов концепта (его имени), входящие в основном в ядерный сегмент поля, системные синонимы, однокоренные слова, словарные дефиниции, фразеосочетания, устойчивые сравнения (ближняя периферия), совокупность слов-ассоциатов имен концептов (дальняя периферия), фрагменты художественных текстов, объективирующих концепты (составляющие крайней периферии содержат имплицитивные смыслы).

Многие романы Ивлиной Во, в том числе и «Пригоршня праха», изображают жизнь британской аристократии и высшего общества, которое писатель высмеивает, но с которым он и сам всецело связан. Экспликация смысловой сущности лингвокультурных семиотических концептов основана на художественном сюжете романа. Все герои представлены автором напыщенными эгоистами, одобряющими в жизни лишь статус, власть, которые гордятся тем, что связывают свою жизнь с очень достойными богатыми людьми, претендующими на звание приличных благородных людей, а сами ведут себя бесчестно.

Анализ концепта *ГОРДОСТЬ / PRIDE*, проведенный на основе романа, показал следующие **научные результаты**. В рамках полевого моделирования в номинативном поле размыта зона ядра, она условно сливается с *ближней периферией*. Выделены микрополя *ближней, дальней и крайней периферий*. Структура номинативного поля концепта *БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY* определена наличием некоторых сегментов. В поле отсутствуют ядро и *ближняя периферия*. Наполнение концептов *ГОРДОСТЬ / PRIDE* и *БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY* осуществлено с помощью: одноименных лексем **pride** и **nobility**; однокоренных лексем: *proud, noble*; системных синонимов: *self-approval* для **pride**; *grandeur, gentle, dignity, gentlemen* для **nobility**; словарного толкования лексемы-репрезентанта концепта *NOBILITY* — *rank*; идиоматического выражения со словом-репрезентантом концепта *PRIDE*: *poor as a church mouse but stinking proud*; слов / словосочетаний / выражений-ассоциатов: *love, authority, home, to be married, family* для **pride**; *rich families, peace, school, delicacy, superiority, refinement, business* для **nobility**; синтаксических конструкций с имплицитностью значения, найденных в семмах: *‘Высокомерное отношение из-за права собственности’* и *‘Ответственность за семейный дом и подчиненных-рабочих’*. Обнаружено наличие смыслового пересечения концептов в *ближней периферии* концепта *PRIDE* в семме: *‘Гордость за собственный статус’* Микрополя-1 *‘Собственная гордость, спесь и подъем’* — в значении *‘Гордость за собственный*

статус и благородство поведения’: “*Poor as church mice most of them but stinking proud ...*” [3, с. 213], в Микрополе-4 ‘Брак’ — *Гордость за брак с благородным человеком*: “*Now I’m coming home to be married ... No, I am not affiancée but you see there are so few young men I can marry. They must be catholic and of an island family*” [3, с. 207].

Наполнение вышеупомянутых ментальных единиц в основном наблюдается в микрополях *ближней* и *дальней периферий*, которые шире раскрывают суть концептов в тексте романа. Это доказывает, что вербализованная структура лингвокультурных семиотических концептов *ГОРДОСТЬ / PRIDE* и *БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY* состоит не только из базовых значений номинантов-лексем **pride** и **nobility**, но и, в большей степени, из совокупности этноконнотаций, которые делают эти концепты национально-маркированными и национально-специфическими.

Перспективы дальнейших исследований в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики заключаются в репрезентации возможной вербализации лингвокультурных семиотических концептов *ГОРДОСТЬ / PRIDE* и *БЛАГОРОДСТВО / NOBILITY* в романах XX столетия и других исторических периодов развития британской лингвокультуры для осуществления сравнительного анализа их смысловой организации.

Список литературы:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
2. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1986. — 118 с.
3. Во И. Пригоршня праха: книга для чтения на английском языке / Ивлин Во. СПб.: Антология, КАРО, 2005. — 288 с.
4. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / Сергей Григорьевич Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. — 2003. — Вып. 24. — С. 5—12.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75—80.
6. Конева Т.Ю. Исследование англоязычного художественного текста XX века с позиций эпистемологического подхода: Автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2006. — 24 с.

7. Пименова М.В. Концепт как основная единица ментальности: (материалы II Международного конгресса русистов-исследователей) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2004. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/96.doc>.
8. Попова З.Д. Семиотические аспекты когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2 (008). — С. 45—52.

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ КАК СОСТОЯНИЯ (ТОПОСА И СУБЪЕКТА) (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОМЕНА ГАРИ «ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ»)

Бритвин Дмитрий Викторович

аспирант Института филологии

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

Украина, г. Киев

E-mail: dimitri.18.fr@gmail.com

LEXICAL AND SEMANTIC REPRESENTATIONS OF MARGINALITY AS A STATE (OF TOPOS AND SUBJECT) (ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “THE LIFE BEFORE US” BY ROMAIN GARY)

Brytvin Dimitri

postgraduate student,

Institute of Philology Taras Shevchenko National University,

Ukraine, Kyiv

АННОТАЦИЯ

В статье сделана попытка анализа языковых средств, которые представляют маргинальность как состояние (топоса и субъекта), в произведении Романа Гари «Вся жизнь впереди». Нами выделен лексико-фразеологический пласт, который прямо или косвенно номинирует состояние маргинальности, а также проанализированы основные механизмы вербализации маргинальности как состояния.

ABSTRACT

The article focuses on analyzing linguistic means which represent marginality as a state (of topos and subject) in the novel “The life before us” by Romain Gary. We have singled out lexical and phraseological layers which denote directly or by implication the state of marginality and analysed the main mechanisms of verbalization of marginality as a state.

Ключевые слова: маргинальность; маргинальное состояние; маргинес; периферия; граница; пограничность.

Keywords: marginality; marginal state; periphery; margin (boundary); borderline.

В последнее время интерес к феномену маргинальности проявляют не только психологи, социологи, культурологи, экономисты, антропологи, но и литературоведы, языковеды, так как для понимания существующей реальности её необходимо описать. Многоаспектность феномена и внутренняя сложность делают его катализатором развития человека и общества, потому в многомерном социокультурном пространстве с вариативной (мульти)культурой [2, с. 9] маргинальность естественно становится универсальной характеристикой бытия и привлекает внимание широкого круга писателей. Маргинальный статус [1, с. 107—109] становится нормой существования миллионов людей, а маргинальность — инструментом и условием самоидентификации.

Актуальность нашего исследования состоит в значимости данного понятия для человека в эпоху постмодернизма, а также в малоизученности его текстовой репрезентации в прозе.

Целью нашего исследования является выявление языковых средств обозначения маргинальности как состояния (топоса и субъекта) в произведении Ромена Гари «Вся жизнь впереди» [5].

Объектом исследования является маргинальность как состояние, а **предметом** — лексико-фразеологическая репрезентация маргинальности как состояния в произведении Ромена Гари «Вся жизнь впереди».

Анализ художественного материала показал, что семантическая категоризация маргинальности в прозе представлена семами, которые характеризуют маргинальность как состояние, как модальность, как субъектность, как процесс, как действие.

В нашей статье мы остановимся на анализе маргинальности как состояния в преломлении: **маргинальный топос и маргинальный субъект**. Говоря о маргинальном топосе, подразумеваем характеристику местности, где проживает маргинальный субъект. Под маргинальным субъектом будем понимать «разнообразные способы протекания внутренней жизни личности» [3, с. 250]. Под маргинальностью в целом понимаем (от лат. *margo* — край) «пограничность», промежуточность, периферийность [4].

Лексико-семантическое поле маргинального топоса в произведении Романа Гари представлено семами **пограничности**, **периферии** и **маргинеса** (как крайней нижней границы периферии).

Номинация **периферии** (места проживания маргинального субъекта) представлена *существительными*, которые обозначают географические названия (*Afrique, Algérie, Maroc, Niger, Casbah*); названия местности (*boulevard de Belleville; Bois de Boulogne*); названия и тип здания (*foyer africain; café à Pigalle et aux Halles*); названия помещения (*pièce au sixième; les chambres de bonnes sans ascenseur*).

Маргинес как окраина периферии представлен в тексте *существительными*, которые обозначают: местность (*taudis*); помещения (*cave (où il n'y a pas de lumière et où c'est noir même en été)*; *poubelle* (как убежище); *piaule* (f)). Характеристики маргинеса эксплицируют семы для обозначения: **скрытности** (например, глагол: *cacher ses enfants*; существительное *un clandestin (pour enfants de pute)*); **изолированности** (существительные *prison; Auschwitz*; глаголы *fermer; punir (de prison)*). Данные характеристики обеспечивают выполнение функции защиты, так как маргинальный топос становится убежищем для тех, кто в нем нуждается (проститутки, иммигранты, безработные, дети без родителей): *Il y a trois foyers noirs rue Bisson et deux autres où ils vivent par tribus comme ils font ça en Afrique...*

Маргинальный топос имеет определённые характеристики, которые представлены глаголами (*Il n'y avait ni bidet ni eau potable ni rien... et un seul W.C. en bas; manquer (ce sont surtout les articles de première nécessité qui manquent)*); прилагательными (*autre monde*).

Маркерами всего, что относится к маргинальному пространству, служат предлоги (*en; là-dedans; faire entrer (dedans)* 'в подворотне'; *à Belleville; de* (l'Afrique)); наречия (*En Afrique c'est complètement différent*). Все, что относится к центру, передается за счет употребления предлогов (*derrière* (la porte); *dans* (les quartiers français)); союзов (*et, mais* 'там'); отрицательных частиц (*ne, pas* (*La France... n'est pas Algérie*)).

Пограничность, пространственная граница между периферией и «другим» миром представлена *существительными*, которые обозначают: местность (*Goutte d'Or (et après c'est les quartiers français qui commencent)*); объект - границу (*escalier; porte* (дома, комнаты, подвала)) и *глаголами*, коннотирующими пересечение границы (*traverser* 'бульвар', *ouvrir* 'двери').

Маргинальное состояние субъекта характеризуется семами, которые эксплицируют **периферийность** и **пограничность** (социально-

экономический, психологический, культурно-цивилизационный аспекты).

Лексические единицы, которые обозначают маргинальное состояние субъекта как периферийного (**социально-экономический аспект**), представлены **существительными**, обозначающими род занятий, профессию и вид деятельности (*prostituée; proxénète; balayeur; bandit; déménageurs* (мебели); прозвища (*criminalité; des enfants de pute; enculés; salaud*); факторы жизни (*ennuis; délinquance juvénile; la drogue*); **глаголами**, которые характеризуют разные стороны жизни маргиналов (*souffrir; voler; faire chanter; persécuter; ne pas recevoir une formation professionnelle*); **прилагательными** (*vachement mauvaise réputation; dangereux; difficile*); **фразеологизмами** (*se faire des sous* ‘монетой’; *défendre son bifteck* ‘за свой кусок хлеба с маслом’; *on paie pour tout dans la vie*).

Современный мир представляет собой мозаику автономных культур, где бинарная оппозиция «Запад — Другой мир (арабский-европейский)» предусматривает, в первую очередь, ментальные отличия (мифология, религия), которые составляют основу культуры. Так, арабский мир в произведении Ромена Гари «Вся жизнь впереди» представлен **существительными**, которые обозначают национальность (*les Algériens, les Maliens, les Sénégalais*); религиозные особенности (*musulmans: Mohammed ça fait cul d'Arabe en France*); обычаи (*respect* ‘к старшим’; *ramadan; tribu*); языки (*la langue de mes ancêtres; yiddish; arabe; hébreu* (*Tu dois être le seul arabe au monde à parler yiddish*)); права и свободы (*justice; protection; faux papiers* ‘фальшивые’; *droit* ‘распоряжаться собственной судьбой’; *loi*); **глаголами** (*écrire* (на языке предков); *revenir* (на землю наших предков); *faire régner* (справедливость); **прилагательными** (*noir; arabe* (ублюдок); *faux* (документы)). Глаголы и прилагательные часто нуждаются в *контекстуальном* толковании.

Маркерами **маргинального состояния субъекта как периферийного (психологический аспект)** служат лексические единицы, которые обозначают эмоции и состояние чувств (могут называть эмоции и чувства, описывать их разнообразные проявления или быть представлены контекстуально).

Так, душевные переживания и чувства представлены семами: **горе / печаль** (*pleurer; soupirer*); **гнев / ярость** (*se foutre en colère; que sa barbe tremblait; détester*); **тревога** (*avoir des jetons*); **страх / ужас** (*cauchemar; trembler de peur; paniquer*); **возмущение** (*ça m'a remué; Une vraie ordure; quoi*); **неуверенность** (*être tendu*); **безысходность** (*être dans une sale situation; avoir envie de crever*); **неадекватность**

(*passage à vide; ne pas être de ce monde*); **одиночество** (*se sentir seul dans le malheur*). Как видим, семы могут быть эксплицированы за счет существительных, глаголов, прилагательных, наречий, причастий и деепричастий, фразеологизмов. Но гораздо большую группу составляет **контекстуальное представление** маргинальных состояний: **состояние тревоги** (*n'était jamais tout à fait tranquille*); **состояние нервного напряжения** (*avoir des crampes d'estomac*); **состояние паники** (*s'arracher les cheveux; être pris de hurlements; se jeter par terre*); **неадекватное состояние** (*retombait en enfance; elle avait fait sous elle pendant son absence*); **состояние апатии и одиночества** (*Madame Rosa appelait un enfant consterné quand il était frappé de consternation...*); **состояние неуверенности** (*il fallait faire gaffe*).

Находясь в таких состояниях, люди не могут адекватно оценивать ситуацию, принимать правильные решения, осуществлять разнообразные коммуникативные действия, а как результат — неадекватное поведение с их стороны (что может иметь вегетативные проявления (*la tête qui tremblait; avoir une peur bleue*)). В романе нами также выявлены просодические средства выражения эмоций, такие как крик, плач, вскрики (*Elle disait tout le temps «OUIL! OUIL!»*).

Маргинальное состояние субъекта как пограничное мы понимаем как *неустойчивое, промежуточное, переходное, кризисное, состояние внутренней раздвоенности, неопределенности*. Причинами такого состояния могут быть скоротечные кризисные явления, экстремальные, конфликтные ситуации, стрессы на всех уровнях. Такое состояние может быть как краткосрочным, так и долгосрочным (состояние депрессии, апатии). В отличие от маргинального состояния как периферийного, пограничное отличается, на наш взгляд, тем, что может не быть связанным с маргинальным топосом. Примером может служить состояние мадам Розы в промежутке между моментами ее *уходов* (потери ощущения реальности) и *возвращений*. Номинация сем, которые обозначают пограничное состояние субъекта (*неустойчивое, промежуточное, переходное, кризисное, состояние внутренней раздвоенности, неопределенности*) осуществляется в основном контекстуально, например: *C'est pas que je cherchais à me caser, je n'allais pas plaquer madame Rosa tant qu'elle était encore capable. Seulement il fallait quand même penser à l'avenir qui vous arrive toujours sur la gueule tôt ou tard...*

Таким образом, маргинальность как состояние представлено семами, которые передают маргинальное состояние топоса и субъекта, которые, в свою очередь, выражены существительными, глаголами,

прилагательными, наречиями, причастиями (при этом существительные и глаголы составляют большую часть). Анализ показал, что контекстуальное представление сем, обозначающих маргинальность как состояние, является наиболее продуктивным методом как выявления дополнительных актуализаторов маргинальности, так и объективации вышперечисленных состояний. В романе Ромена Гари «Вся жизнь впереди» так же одним из важных способов репрезентации маргинального состояния является фразеологическая манифестация.

Перспективным, на наш взгляд, является исследование механизмов вербализации кризисных состояний (кризиса идентичности в частности).

Список литературы:

1. Балабанова Е.С. Маргинальность в современной России: коллективная монография / Е.С. Балабанова. М.: МОНФ, 2000.
2. Быховская И.М. Личность в социокультурном измерении: история и современность / И.М. Быховская. М.: ООО «Научно-издательский центр «Индрик»», 2007.
3. Зализняк А.А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материале французского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Зализняк Анна Андреевна. М., 1985. — 250 с.
4. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения). INTRADA, 2001 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ilyin-book.htm> (Дата обращения: 15.09.2014).
5. Gary R. «La vie devant soi» / R. Gary. Collection Folio, 1982. — 288 p.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЗВУКОПРОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мишина Наталья Олеговна

*канд. филол. наук,
преподаватель Воронежского института ФСИН России,
РФ, г. Воронеж
E-mail: nmishina@bk.ru*

LINGUISTIC OBJECTIFICATION OF SYNTACTIC CONCEPT «SOUND REVEAL» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Mishina Natalia

*candidate of Philology, teacher of the Voronezh Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Russia, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются синтаксически структурированные языковые явления, представляющие собой результат вербализации отношений между реалиями окружающей действительности. В своей работе за основу исследования мы берем научную концепцию З.Д. Поповой о существовании (среди прочих СК — синтаксических концептов) синтаксического концепта «инобытие объекта», репрезентируемого структурной схемой «кто/что действует чем».

ABSTRACT

Syntactically structured linguistic phenomena which are the result of verbalization of relations between objects of reality are considered in the article. In this paper we base on the scientific conception by Z.D. Popova regarding the syntactic concept of «other being of object » which is represented by the structure «who/what acts with/by what».

Ключевые слова: структурная схема; синтаксический концепт; лингвистическая репрезентация.

Keywords: structure; syntactic concept; linguistic representation.

Многие синтаксисты подчеркивают необходимость одновременно обращаться и к структурному построению, и к лексическому составу предложения. Особенно важен такой подход при семантическом анализе структурной схемы простого предложения (ССПП).

Синтаксически структурированные языковые явления представляют собой результат вербализации отношений между реалиями окружающей действительности. Признание синтаксических концептов как непреходящих составляющих семантического пространства языка, а также анализ словоформ, образующих структурные схемы (синтаксем — Попова З.Д.) позволяют глубже понять многие процессы становления и функционирования синтаксической системы языка [2, с. 149—152].

В своей работе за основу исследования мы берем научную концепцию З.Д. Поповой о существовании (среди прочих СК — синтаксических концептов) синтаксического концепта «инобытие объекта», репрезентируемого структурной схемой «кто/что действует чем». В рамках общего поля русских синтаксических структур каждая ядерная схема, призванная репрезентировать в языке стоящий за ней концепт, занимает свою нишу, свой сектор — парцеллу.

Мы исследуем парцеллу концепта «инобытие объекта», существование которого подтверждается функционированием в русском языке устойчивой структурной схемы «кто/что действует чем».

Считается, что в современном русском языке достаточно широко распространена структурная схема простого предложения «кто/что действует чем» [1, с. 56]. Все варианты лексического наполнения данной структурной схемы имеют большие различия, однако обладают и общей концептуальной идеей. «Инобытие» является вариантом существования какого-либо феномена не только «в себе» и «для себя», а «для другого» через проявление собственного потенциала движения, звучания, свечения и т. д.

Вариантность и вариативность «самопроявления» существ, предметов, явлений обширно реализуются с помощью различного лексического наполнения и пропозиционирования структурных синтаксических схем.

В своей работе «Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов» (2009) З.Д. Попова пишет:

«... кто/что действует/ проявляет себя чем устойчиво используется, достаточно частотна (около 9 % в общей выборке). Схема настолько древняя, что в настоящее время она предоставлена россыпью лексико-семантических вариаций, из которых, видимо сложно выделить центр. По специфике феноменов лексико-семантические вариации, входящие в ядро поля, организуют несколько парцелл, значительно различающихся своим устройством, так что парцелла концепта «инобытие объекта» распадается на несколько ветвей» [3, с. 52]. Среди выявленных ветвей лексико-семантических вариаций «человек/ животное проявляют себя движением какой-либо части тела», «кто/что проявляет себя звуками», «что проявляет себя светом и теплом», «кто/что пахнет чем», «кто/что проявляет себя изменением внешнего вида» предметом нашего исследования стала ветвь парцеллы «инобытие объекта»: «кто/что проявляет себя звуками».

В связи с обоснованием, целью и задачами нашей работы, стремясь к предметной сфокусированности анализа, чистоте эксперимента, однозначности формулировок мы называем исследуемый нами концепт — синтаксический концепт (СК) «звукотворение объекта» (ЗО).

В результате проведенного структурно-синтаксического анализа вариантов вербализации СК «звукотворение объекта», мы обнаружили четыре устойчивые структурные схемы:

- **кто** издает звуки голосом
- **кто/что** производит звуки **чем**
- **что** издает звуки
- издает звуки.

Первая структурная схема «кто издает звуки голосом» самая обширная и реализуется в рамках устойчивой синтаксической схемы «кто делает (чем)», где позицию субъектива занимает существительное, обозначающее человека или животного, а действие вербализуется одним из глаголов звучания. Позиция *чем*, как правило, не заполняется, так как *ворчать, щелкать, вскрикивать, вопить* можно только с помощью голоса, то есть известного и единственно возможного аппарата продуцирования звука у человека (животного), в данном случае производителя действия.

Языковая репрезентация концепта «звукотворение объекта» в рамках второй структурной схемы «кто/что производит звуки чем» возможна с помощью лексических единиц, обозначающих феномен в позиции субъектива и его самопроявление звуком с помощью собственного организма, устройства или внешнего объекта, в позиции

предикатива. Позиция *чем* заполняется названием того предмета, который приводится в колебание феноменом и издает звук.

Синтаксический концепт «звукотворение объекта» вербализуется в русском языке также с помощью устойчивой структурной схемы «что издает звуки». По частотности использования эта синтаксическая структура близка к указанной выше структурной схеме «человек издает звуки голосом». При сравнении указанных структурных схем сразу обращают на себя внимание их разные смысловые ключевые центры.

Так, в рамках СС «человек издает звуки голосом» субъектив не изменяется, а глагольный ряд, представляющий предикатив, отличается семантическим и синтагматическим разнообразием.

Устойчивая СС «что издает звуки», служащая вербализации концепта «звукотворение объекта», акцентирует внимание на идентификационный семантический центр «что». То есть, если в первом случае предметом исследования были глаголы, репрезентирующие концепт «звукотворение», то во втором случае интересен сам субъектив, наделяемый различными звуками. Именно он является детерминирующим семантическим центром СС.

Опираясь на результаты анализа СС «кто, что издает звуки чем», можно предположить, что СС «что издает звуки» имеет деривационную природу по отношению к СС «кто, что издает звуки чем». При условии второстепенности роли субъектива и отсутствия необходимости его наименования актанты высказывания меняются позиционно, упрощая СС, освобождаясь от объектива «чем», сохраняя семантическую нагрузку высказывания.

Синтаксический концепт «звукотворение объекта» вербализуется в русском языке также с помощью устойчивой структурной схемы «издает звуки (звучит)», представляющей собой безличное предложение. Речевая реализация рассматриваемой СС осуществляется без заполнения позиций «кто (что)», «чем», «по чему, обо что, во что и т. д.».

Как правило, для достижения смысловой достаточности в СС «издает звуки (звучит)» актуализируется позиция локатива «где».

Представленные речевые примеры, реализующие СС «издает звуки (звучит)» в большей степени характеризуют событийность, явления, ситуацию в целом, соотносясь скорее с «как», а не с «чем». Структурная схема «кто (что) издает звуки чем» освободилась от актантов, оставив только смысловой «нерв» высказывания. Структурные изменения привели к перекатегоризации не только СС, но и синтаксического концепта.

Список литературы:

1. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. Воронеж, 1999. — 196 с.
2. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2002. — 192 с.
3. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. Воронеж, 2009. — 209 с.

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

КАТЕГОРИЯ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Боханова Айгуль Серикбаевна

Phd докторант 3 курса 6D020500,

Казахский национальный университет имени Абая,

Республика Казахстан, г. Алматы

E-mail: ayguliok@mail.ru

THE CATEGORY OF DEPRIVATION IN HISTORICAL PERSPECTIVE OF INVESTIGATION

Bokhanova Aygul

3-rd course doctoral student Phd 6D020500

of Kazakh National University named after Abai,

Respublic of Kazakhstan, Almaty

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается категория лишительности в исторической перспективе. Дается структурно-семантический анализ формирования данной категории. Статья посвящена одной из сложнейших проблем современной функциональной грамматики — определению статуса и совокупности языковых единиц с общей семантикой необладания. Обозначенный в лингвистических источниках данный вопрос так и остается до настоящего времени неосвещенным. В статье затрагивается история вопроса, связанная в том числе с работами Вяч.Вс. Иванова, который впервые обозначает данную совокупность языковых единиц как категорию.

ABSTRACT

This article is devoted to the one of the most complex problems of modern functional grammar, that is of the problem of defining the status and whole of language units with the common semantics of non-possession. This problem designated in linguistic sources remains unlit to this day.

Attempt to investigate problem connected with the expression of depravity in language occurs rather up-to-date. The article touches the history of the problem, including works of Vyach. Vs. Ivanov, who was the first who denotes this whole of language units as category. There is defined the status of the category of depravity as semantic category, and also the circle of lexical units which compose functional and semantic field corresponding to this category. As could be seen from presented factual data is economic discourse, that is important because the sphere of economy is dynamic enough and much in it depends on the level of depravity.

Ключевые слова: Категория лишительности; каузация; вербализация; категориальный признак; лишительная семантика; языковое отрицание.

Keywords: Category of deprivation; verbalization; categorical feature; logical negation; language negation.

В лингвистической литературе последних десятилетий даже в связи со всплеском исследований по функциональной лингвистике практически не затрагивался вопрос организации языковых элементов со значением лишения и отграничения этого значения от близких по семантике языковых структур. Как свидетельствуют лингвистические источники, проблема лишительной семантики связывается в них главным образом с так называемым «лишительным» падежом. Еще во второй половине прошлого столетия применительно к чувашской грамматике был выделен падеж, определяемый как лишительный, или отрицательный. Ученые относят к нему конструкции со специальными морфемами, при помощи которых выражается отрицание предмета или признака. В частности, лексемы со значением 'некрасивый, безобразный, уродливый' передаются с помощью морфем *-сар, -сер*, например: *илем* (красота) — *илемсер* (отсутствие красоты). В эту же падежную группу исследователи включают предложно-падежные сочетания существительных в родительном падеже с предлогом *без*: *пришел без книги, нарисовал без карандаша*. Антонимичными данным построениям, по мнению ученых, являются конструкции с посессивным значением типа *пришел с книгой* [8, с. 2]. Отмеченный категориальный признак представлен в виде лишительного падежа в составе падежной парадигмы в чувашском языке, на что указывают исследования М.Р. Федотова. Формальным способом выражения грамматического значения данного падежа является, согласно ученому, чувашская морфема *-сар, -сер*, представляющая собой аффикс лишительного падежа. Аффикс

отмечается, как правило, в составе имени прилагательного, передавая значение «необладание тем предметом или качеством (свойством), на которые указывает лексическое значение корня» [23, с. 96]. О распространенности лишительного аффикса свидетельствует наличие его в марийском языке в виде аффикса *-сыр*. М.Р. Федотов приводит следующие примеры: *айансар* → мар. *аипсыр*, что соответствует русскому прилагательному *безвинный*; *чонысыр* — *бездушный* (мар. “*чон*” — “*душа*”) [23, с. 98].

Исследования семантики подобного рода применительно к именным частям речи относятся к рубежу XX—XXI вв. Все они связываются с выявлением падежа, который единодушно, видимо в соответствии с уже предложенным термином выше обозначенных ученых, определяется исследователями как лишительный падеж. В частности, данный падеж отмечается в группе языков, входящих в члены сибирского языкового союза, в частности енисейских языках, ительменском языке [11]. Также ученые обнаруживают его в одном из кавказских языков — в агванском языке, на что указывают исследования Г.А. Климова [12]. Лишительный падеж отмечается в удмурском языке, что находит подробную характеристику в исследованиях Н.В. Кондратьевой [14].

Особо отметим, что во всех этих исследованиях семантика падежа, определяемого как лишительный падеж, трактуется в виде ‘неимение, необладание чем-либо’. Иными словами, в интерпретации данных ученых лишительная семантика отождествляется с каритивной семантикой. Не случайно лишительный падеж определяется также и как отрицательный падеж, что представляется неправомерным. Неустойчивость, размытость семантики обнаруживается уже вследствие того, что в работах некоторых ученых как особый, лишительный, падеж рассматриваются вариативные формы существительных, употребляемых после отрицания. В.А. Успенский, анализируя определение падежа по А.Н. Колмогорову, пишет: «Если оба предложения *не читал газету* и *не читал газеты* правильны и выражают одно и то же состояние предмета *газета*, то это указывает на то, что существует особый падеж («лишительный»), употребляемый после отрицаемых глаголов и имеющий две формы (одна из которых совпадает с формой винительного, а другая — с формой родительного падежа)» [22]. Нетрудно заметить, что в данном случае также наблюдается отождествление лишительной и каритивной семантики.

В качестве самостоятельной категории совокупность языковых средств с общей семантикой ‘отсутствие принадлежности, необладание’ впервые в лингвистике относительно недавно выделяет

Вяч.Вс. Иванов. Анализируя формы выражения обозначенной семантики, ученый, однако, подчеркивает существенное отличие языкового отрицания, относящегося только к части предложения, от логического отрицания, передаваемого посредством отрицательной частицы *не* и относящегося ко всему предложению в целом. Он пишет: «С общелингвистической точки зрения интерес этих форм прежде всего состоит в том, что они могут выражать не глобальное отрицание, касающееся всего высказывания, а только отрицание обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом» [10, с.5]. Иными словами, специфика форм со значением необладания, или, согласно устоявшемуся в лингвистической литературе термину, каритивных форм, состоит в том, что отрицание в высказывании является не предикативным, а локальным. В Русской грамматике-80 последнее соответствует частному отрицанию, передаваемому с помощью частицы *не* [17, с. 726]

Обозначенную категорию ученый определяет как категория лишительности, или каритивности. В качестве базовой семантики этой категории Вяч.Вс. Иванов представляет инвариант 'необладание предметом, чем-либо, что типично, считается неотчуждаемой принадлежностью' [10, с. 57].

Данная трактовка категории в интерпретации ее Вяч.Вс. Ивановым основывается на философской категории лишения, которую в своем трактате "Метафизика" обозначает еще Аристотель. Ученый-философ выделяет четыре основных семантических варианта рассматриваемой категории: 1) «отсутствие свойства, которое является естественным достоянием вещей... и особенно — отсутствие его у той вещи, которой надлежит иметь данное свойство»; 2) «насильственное отнятие чего-нибудь»; 3) «о лишении говорится во всех тех случаях, когда через отрицательные частицы ... дается некоторая характеристика предмета, связанная с отсутствием отрицаемого свойства»; 4) «полное отсутствие какого-либо свойства» [2, с. 100]. Как видим, первое частное и обозначенное Вяч.Вс. Ивановым инвариантное семантическое значения в определенной степени совпадают.

Сущность теории Вяч.Вс. Иванова сводится к следующему: состояние, при котором у субъекта отсутствует предмет, данный ему от природы [10]. Особо подчеркнем, что значимым для семантического ограничения лишительности является общий категориальный признак: языковое отрицание в отличие от логической связки относится только к части предложения. В данном случае значимо принципиальное

отличие общего (предикативного) отрицания от частного (локального) отрицания как специфического свойства каритивного значения.

Как известно, предикативное отрицание имеет место в собственно отрицательных предложениях. Согласно данным исследований, предикативное отрицание передается посредством частицы *не* при глаголе-сказуемом (*трудностей не встречается*), слова *нет* (*нет времени*); слов категории состояния *нельзя, невозможно, немыслимо* (*Нельзя пройти; Немыслимо забыть; Невозможно разговаривать*); частицы *ни* (*Ни души*); отрицательных местоимений *никто, ничто*; местоимения-прилагательного *никакой* (*Ничего нового; Никаких проблем*) [17, с. 402—405]. В представленных случаях полностью отрицается предикативный признак, что придает отрицательное значение всему предложению. Каритивное (лишительное) же значение связано с частным отрицанием, при котором отрицается не самое действие, не вся ситуация в целом, а лишь какая-то ее часть. Таким образом, отрицание носит частный характер, например: *Не брат ходил в библиотеку; Брат ходил вчера не в библиотеку* [17, с. 408].

Вместе с тем проанализированный нами фактический материал покажет необходимость существенной корректировки представленных семантических вариантов, поскольку они не в полной мере раскрывают план содержания категории лишительности. В большей мере здесь речь должна идти о категории каритивности. В переводе с философского языка Аристотеля на семантический язык можно выделить семы, только вторая из которых, на наш взгляд, соотносится с лишительной семантикой. В остальных случаях следует говорить о семантике каритивности:

а. отсутствие у предмета свойства, которое является естественным достоянием вещи, что схематически представим как:

$$S\epsilon V_{\text{pas}} - V_{\text{pas}},$$

где: S — субъект (предмет),

V_{pas} — объект непосредственной естественной принадлежности (посессивности),

— — минус;

б. отнятие (лишение) чего-либо, что схематически представим как:

$$S_1\epsilon V_2 - S_2\epsilon V_1;$$

в. малая степень качества либо плохое качество предмета; актуализация на шкале привативной оппозиции оценочной амбивалентности 'хорошее-плохое' второго элемента, что схематически выразим как:

$$S(V)\epsilon \text{ Adj}^+ \rightarrow S(V)\epsilon \text{ Adj}^- ;$$

г. полное отсутствие какого-либо качества предмета:

$$S(V)\epsilon \text{ Adj} - \text{ Adj}.$$

В качестве примера первого семантического критерия Аристотель приводит прилагательное *слепой*. Вяч.Вс. Иванов в эту же группу включает прилагательные *глухой*, *безухий*, поясняя это тем, что с их помощью обозначается лишение предмета свойства, считающегося его неотчуждаемой принадлежностью [10, с. 6] Анализируя обозначенный семантический критерий, важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет о неотчуждаемой, органической, принадлежности, которую, согласно Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванову, следует отграничивать от «отчуждаемой», неорганической, принадлежности, то есть разновидности отношения принадлежности, при которой «предмет мыслится как не относящийся органически к обладателю, как нечто, что может быть отчуждено от обладателя» [7, с. 289]

Второй семантический критерий 'отнятие (лишение) чего-либо' предполагает некое лицо, в результате действия которого происходит определенное лишение. Подчеркнем, что, в отличие от Аристотеля, согласно которому это «насильственное отнятие» [2, с. 100], предлагаемый критерий включает в равной мере и изъятие с согласия субъекта. Как нам представляется, в данную семантику включается сема, определяемая Ю.Д. Апресяном как 'ликвидировать этим способом'. Ученый приводит следующие примеры: *вытирать (глаза, пот)*; *лечить (больного — туберкулез)*, *править (диктант — ошибки)*, *разглядить (платье — складки)*, *штопать (носки — дырки)* [10, с. 206—207] В приведенных примерах в имплицитной форме представлена сема 'лишение отчуждаемой принадлежности'. Так, в словосочетании *вытирать пот* выделяется сема 'лишать пота некоторую часть тела'; в словосочетании *лечить больного* — 'лишать некоторый субъект боли'; *править диктант* — 'лишать диктант ошибок'; *разглядить платье* — 'лишать платье складок'. Таким образом, рассматриваемый семантический критерий на языковом

уровне может выражаться как экспликативно, так и посредством импликации.

Семантический критерий ‘малая степень качества либо плохое качество’ непосредственно связан с количественным фактором. Аристотель определяет его следующим образом: «Кроме того, о лишении речь идет и тогда, если у вещи чего-нибудь имеется мало, как, например, когда говорится про плод без косточки: это значит, что она у него плохая. И дальше — в том случае, если что-нибудь можно в вещи сделать лишь с трудом или плохо, как, например, о неделимом говорится не только в том смысле, что оно не делится на части не легко или не хорошо» [2, с. 100] Как видим, категория количества занимает у Аристотеля значимое место и связывается с оценочностью. Согласно Н. Рябцевой, и внутренний мир человека параметризуется, а параметры внешнего мира психологизируются... Заведомо не имеющую единиц измерения явления получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл» [18, с. 126] На тот факт, что категория лишительности на основе рассматриваемого критерия соотносится и тесно переплетается с категорией количественности, указывают выводы ученого следующего характера: «В обыденном сознании количество «опредмечивается», а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему» [18, с. 126]

Значимыми в контексте выделяемых ученым процедур выявления количественных отношений [18, с. 126—127] применительно к категории лишительности являются процедуры: а) сравнение предметов и их количественная градация; б) сравнение с собственным размером. В обеих процедурах следует актуализировать малое или минимальное количество, поскольку именно незначительность чего-то, как правило, приводит к его ликвидации (лишению).

Согласно наблюдениям Н. Рябцевой, ликвидация (лишение) на аксиологической шкале соотносима с компонентом «плохо». Ученый пишет: «Психологически значимым компонентом является недостаточное или избыточное количество, меньше или больше нормы (ср. *маловодный, малорослый*). Оно вызывает проблемы, поэтому по аналогии с предметным миром этот смысл переносится и в мир социальный: *малограмотный, малодушный, малоприятный*. В разговорной речи он «материализуется» в оборотах, выражающих недостаток (сил, способностей, возможностей и т. п.): *мало каши ел, кишка тонка, руки коротки*» [18, с. 127—128].

Отметим, что приведенные наблюдения ученого подтверждают исследования Ю.Д. Апресяна, который, анализируя сочетаемость существительных *воля, качество, темперамент* с прилагательными

и глаголами, приводит следующие словосочетания с понижением степени: *слабая воля, вялый темперамент, качество понижается* [1, с. 64] Интерес представляет наблюдение ученого над сравнением сочетаемости антонимической пары *низкий-высокий* со словом *совсем*. Если сочетание *совсем низкий* является нормативным, то сочетание *совсем высокий* — аномальным [1, с. 66] Это подтверждает вывод о том, что возможное сведение признака к минимуму может привести к его полной ликвидации.

В то же время нам представляется нецелесообразным ассоциировать малое количество с негативной оценкой. Такая ассоциация основана на семантике наречия *мало*, определяемого, помимо ‘в небольшом количестве’, также и как ‘меньше, чем нужно, недостаточно’ [19, с. 219]. Последнее значение включает большинство сложных слов с первой составной частью *мало*. Из многочисленной группы данных слов, представленных в словарях и последовательно реализующих отмеченную семантику, незначительная часть из них, однако, имеет положительную коннотацию. В определенной ситуации положительной оценкой способны окрашиваться прилагательные *малобааритный, малозаметный, малокалорийный, малолитражный, малооблачный, малосольный* и др.

Четвертый семантический критерий категории лишительности, связанный с отсутствием признака, актуализирует семантическую структуру, определяемую Ю.Д. Апресяном как ‘делать Р меньше или прекращать Р’. Ученый соотносит данную структуру с глаголом, подчеркивая, что в ней выражается значение «меньшей степени или полного отсутствия признака», и приводит в качестве примеров следующие глаголы: *глушить* — ‘делать менее слышным или неслышным’; *стихать* — ‘становиться тише или прекращаться’; *тормозить* — ‘начинать двигаться медленнее или останавливаться’ [1, с. 87].

Сформировавшаяся в мыслительной деятельности человека категория лишительности, однако, в истории лингвистической науки описывается фрагментарно, что затрудняет определение периода ее научного осмысления. В качестве своих предшественников Вяч.Вс. Иванов указывает имена известных ученых И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, которые в исследованиях по лингвистической семантике выделяют прилагательные с каритивным значением, передающим негативную оценку или отсутствие [10, с. 6] В своих исследованиях Ю.Д. Апресян, разрабатывая семантический язык, выделяет семы категории лишительности, однако не делает при этом акценты на самой категории как самостоятельного понятийного

образования. Ученый отмечает, что существительные *воля, качество, темперамент* способны сочетаться с глаголами и прилагательными, имеющими значение повышения или понижения степени: *слабая воля, вялый темперамент, качество понижается* [1, с. 64]. Применительно к прилагательным выделяется шкала типа 'мелкий-глубокий' [1, с. 65]. Отдельные замечания по языковым средствам, репрезентирующим категорию лишительности в русском языке, отмечаются в трудах ученых-классиков А.И. Соболевского [20], В.И. Ягича [26], П.Я. Черных [24]. Сказанное позволяет утверждать, что определенное научное осмысление категория лишительности получает уже на рубеже XIX—XX вв.

В настоящее время назрела необходимость систематизации вербальных средств воплощения категории лишительности в виде функционально-семантического поля в конкретном языке. Иными словами, актуальным представляется выявление семантических и формальных средств воплощения данной категории, следовательно, границ функционирования ее вербальных показателей. Определенные усилия исследователей в данном направлении позволили установить ряд языковых единиц, участвующих в формировании каритивной семантики. Попытка такой систематизации осуществляется учеными на материале русского языка в контексте привативной оппозиции 'семантический язык — естественный язык'. С этой целью нами были обозначены обусловленные билатеральностью функционально-семантического поля следующие критерии: семантический, лексико-семантический и формальный [5].

Следует подчеркнуть, что неоправданное с нашей точки зрения отождествление лишительности с каритивностью в целом ряде исследований предопределило некорректное выявление вербальных средств воплощения лишительной семантики. В частности, с позиции лексико-семантического критерия интерпретации к словам с лишительной семантикой относятся вышеобозначенные прилагательные типа *слепой, глухой*. А.И. Коваль привлекает к анализу единицы лексикона африканского племени пулар-фульфульде, выделяя в этом языке три типа атрибутов каритивной семантики. В русском переводе они соответствуют прилагательным с приставкой *бес-* типа *бесхвостый* как 'лишившийся хвоста'. К лексемам подобного рода относятся прилагательные *сухой* — 'лишенный влаги', *пустой, босой* [13]. Семантический анализ данных прилагательных свидетельствует прежде всего об указании на факт отсутствия чего-либо у предмета. Лишительная семантика выступает в данном случае как второстепенная, лишь способствовавшая состоянию отсутствия. Иными словами, если

лишительная семантика выражает в большей мере процесс, то каритивная — результат этого процесса, то есть состояние. Правомерным поэтому представляется интерпретация прилагательных типа *сухой, пресный, пустой, глухой, слепой* в исследованиях С.М. Толстой исключительно как слов каритивной семантики [21].

И даже применительно к такой интерпретации встает вопрос: насколько абсолютным является каритивное значение в данных прилагательных с точки зрения современной методологии? Постструктуралистский подход не позволяет положительно ответить на поставленный вопрос. Подтверждением служат конструкции, приводимые Ю.Д. Апресяном при анализе синонимической семантики типа *Она притворялась глухой; Она симулировала полную потерю слуха; Она делала вид, что глуха; Ее глухота была притворной*. В приведенных конструкциях прилагательное *глухой*, не утрачивая своего лексического значения, однако, обозначает признак, не присущий данному субъекту, что свидетельствует об отсутствии в нем каритивной семантики в рассматриваемом контексте. Таким образом, на лексическом уровне каритивная семантика выявляется в контекстных или конситуативных условиях.

Данное утверждение в полной мере применимо к лексемам с семантическим критерием ‘отнятие чего-либо’, то есть к лишительной семантике. Речь идет о глаголах *воровать, грабить*, валентностью которых является ‘некий отбираемый объект’. Однако реальность действия, связанного с насильственным лишением субъекта чего-либо, зависит от истинности или ложности высказывания.

К формальным критериям каритивной (и отождествляемой с ней лишительной) семантики ученые относят приставки. В частности, Вяч.Вс. Иванов отмечает старославянизмы с приставкой *не-*: С опорой на исследования А.И. Мельчука, Ю.Д. Апресяна ученый включает в категорию лишительности прилагательные и существительные типа *недобрый, небольшой, немалый* и под; *неволя, неверие, недуг, немощь, неправда, неприязнь, нечисть* [10, с. 11]. Регулярностью в передаче этой семантики с его точки зрения отличаются приставки *без-* (*бес-*): *бесславию, бессмертный, безрукий, безногий* [10, с. 13]. Кроме того, в воплощении каритивной семантики участвует префикс *у-*: *убогий, удушье*, а также префиксы *от-*, *о-* [10].

Согласно нашим наблюдениям, в равной степени регулярностью характеризуется приставка *вы-*, употребляемая в составе глаголов, например: *вымести комнату* — ‘лишить комнату сора’; *выбить пыль из ковра* — ‘лишить ковер пыли’; *выскрести сковороду* — ‘лишить сковороду остатков пищи’.

К словесному типу частного отрицания, необладания, отождествляемого ученым с лишительной семантикой, он относит слова типа *холостой* и универсальное отрицательное слово *нет* [10, с. 13]. Необоснованность такой интерпретации найдет подтверждение в предлагаемой базовой семантической структуре категории лишительности. Как видим, даже самый общий обзор языковых средств, воплощающих категорию лишительности, свидетельствует о достаточной степени размытости семантики, об отсутствии четкости в этом вопросе. Во многом это обусловливается размытостью самого термина «лишительность» в лингвистических источниках по данному вопросу, некоторой фрагментарностью фактов о самой категории, излагаемых в лингвистической литературе и не актуализируемых в ней, а затрагиваемых попутно, наряду с основными положениями по семантике. В связи с этим, нам представляется, важным аспектом проблемы является вопрос о статусе категории лишительности.

Подчеркнем, что автор идеи данной категории Вяч. Вс. Иванов определяет ее то как грамматическую категорию [11, с. 64], то вовсе игнорирует этот вопрос [10]. Кроме того, ученый определяет ее как оппозиционный коррелят, как «обратную категорию» получившей устойчивое признание в лингвистической науке категории посессивности (притяжательности). Мы склонны, однако, рассматривать данную категорию как семантическую, на языковом уровне которой соответствует функционально-семантическое поле лишительности. В пользу такого утверждения свидетельствует тот факт, что определение ученых, положенное в основу ее интерпретации, имеет место в понятийных системах носителей как флективного, так и агглютинативного типов языков. Это обусловлено и тем, что вышеуказанные вариантные языковые значения соответствуют общему инвариантному значению, что укладывается в понятие семантической категории, обозначенной в трудах А. В. Бондарко [3, с. 11—12]. Базирующиеся на данной семантической категории языковые единицы относятся как к грамматике, так и к лексике. Они формируют соответствующую категориальную ситуацию. Также они взаимодействуют между собой на основе общности семантической функции, что определяется в лингвистической литературе как функционально-семантическое поле [25; 6; 15; 4]

С учетом категориального и процессуального признаков, лежащих в основе рассматриваемых категорий в обобщенном виде это можно представить в следующей таблице.

Таблица 1.

Категория лишительности: факторы отграничения

Факторы разграничения	лишительность	каритивность	необладание
категориальный признак	каузирование	частное отрицание	отрицание наличия
процессуальный признак	событие	факт	факт

В противоположность сказанному трудно уложить выявленный билатеральный комплекс плана содержания и плана выражения категории лишительности в понятие грамматической категории. Грамматическая категория предполагает объединённый на основе общей семантики комплекс оппозиций, проявляемых в противопоставленных друг другу грамматических значениях. В то же время отчетливо прослеживаются черты, свойственные семантической категории: понятийность, фокусирующая на функционально-семантическое поле. Также категория лишительности сопряжена с категорией посессивности (принадлежности), определяемой в лингвистических источниках как семантическая [9, с. 388].

Не представляется возможным сузить определение данной категории до лексико-семантической, поскольку в формировании ее базовой семантической структуры, как будет показано ниже, участвует целый комплекс семантических средств и воплощаемых их языковых единиц.

Итак, произведенное обзор лингвистических источников позволяет утверждать о том, что теория семантической категории лишительности и соответствующего ей функционально-семантическое поля еще не нашла такого отражения в лингвистических исследованиях, которое позволило бы производить выборку фактического материала и дальнейшего его анализа. В этой связи необходимым представляется отграничение данной категории от сопряженных с ней в семантическом плане категорий, а также определение места этой категории в их составе.

Список литературы:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, I: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.
2. Аристотель. Метафизика. М., 1956. — С. 100.

3. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. — 136 с.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
5. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Едиторная УРСС, 2003. — 352 с.
6. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. — 1971. — № 3. — С. 105—113.
7. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тблис. ун-та, 1984. — С. 265—319.
8. Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М.: Изд-во Академии пед. Наук РСФСР, 1955. — 132 с.
9. Журиная М.А. Посесивность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 388—389.
10. Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Иванов Вяч.Вс., Малошная Т.Н., Головачева А.В., Свешникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: ИНДРИК, 1995. — С. 5—59.
11. Иванов Вяч.Вс. Категория лишительности в языках евразийского языкового союза // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании: Сб. Статей. М., 1993. — С. 80.
12. Климов Г.А. Агванский язык // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999. — С. 459—460.
13. Коваль А.И. Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пулар-фульфульде // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kunstkamera.ru>.
14. Кондратьева Н.В. К вопросу о явлении двупадежности в современном удмурском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. — Вып. 2. — 2011. — С. 111—117.
15. Лазариди М.И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке. Бишкек, 2000. — 179 с.
16. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том I: Пер. с франц. Москва-Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. — 417 с.
17. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982. — С. 726—727.
18. Рябцева Н. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. — 604 с.
19. Словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. — С. 219—222.

20. Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. — 234 с.
21. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. — 236 с.
22. Успенский В.А. К определению падежа по А.Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. М.: [И МГПИИЯ], — 1957. — № 5. — С. 11—18.
23. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саранского ун-та, 1990. — 336 с.
24. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
25. Щу Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. — 256 с.
26. Ягич В.И. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

2.6. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ В МОНГОЛЬСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Пурэв Энхжаргал

докторант

Монгольского государственного университета,

Монголия, г. Уланбатор

E-mail: enkhjargal.p@num.edu.mn

SOME ISSUES ON MONGOLIAN GEOGRAPHICAL NAMES WITH A WORD FOR YELLOW IN THEM

Purev Enkhjargal

graduate student of National University of Mongolia,

Mongolia, Ulanbator

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является определение особенностей монгольских географических номенов с желтым цветом, форм и структуры названий, выявление географических объектов, названных этим цветом и установление их особенностей; установить высокочастотное употребление базисных имен в географических названиях. Методологическую основу данной работы составляет отбор и классификация структуры географических названий со словом «желтый» из электронного корпуса географических названий, также анализ географических названий при помощи программы ANTCONC.

ABSTRACT

The main aim of this research is to define the form and structure of Mongolian geographical names which are attributed by the word “yellow”, and further to elucidate which geographical objects are named “yellow” and define the highest frequency of the “yellow” naming word and in which geographical base names it is highly used. The method of the research was to collect geographical names, which have “yellow” in their

structures from the geographical naming corpus, to classify their structures, to analyze geographical names by the use of ANTCOCONC programme.

Ключевые слова: топонимия; желтый; базисное имя.

Keywords: toponymy; yellow; basic name.

Топонимика (от греч. *topos* место и *упута* имя, название) раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени [3, с. 515] .

Если исследование монгольских географических названий учёными монголоведами, такими как В.А. Казакевич, Б.Я. Владимирцов, Т.А. Бертагаев, П. Пеллио началось в начале XIX века, то труды монгольских учёных выходят в свет начиная с 2000 года. Это работы Ж. Сэржээ «Современная монгольская ономастика» (2010), Э.Равдан «Структура и семантика монгольских топонимий» (2004), «Топонимика Монголии» (2008), «Тезаурус монгольских географических номен» (2002), Э. Равдан, Ж. Нарангарав «Этимологический словарь монгольских географических номен» (2011), которые внесли большой вклад в развитии топонимики в Монголии. В настоящее время топонимику широко изучают в рамках исследования языка, истории и культуры страны.

Многие исследователи в своих трудах отмечали, что монголы часто используют «цветовое» прилагательное в географических именах. Учёный Э. Равдан в своей монографии «Топонимика Монголии» отмечает, что большинство местностей названы цветовым определением, т. е. около 20 % названий из тысячи включали «белый», «коричневый», «чёрный» цвета. Учёная О.Т. Молчанова определила форму и значения цвета: «Подсчеты показывают, что 14 % всех тюркских географических имен территории содержат в своем составе «цветовое» прилагательное. Самым распространенным оказывается КАРА¹ (37,6 % из общего числа имен с «цветовым» прилагательным в составе), АК (22,3 %), САРЫ (11,2 %), КЫЗЫЛ (10,3 %) КӨК (6 %)» [6, с. 26]. А также она подчеркнула, что «Такое значительное число прилагательных цвета в географических именах является одной из отличительных особенностей тюркской топонимии по сравнению

¹ КАРА — чёрный, АК — белый, САРЫ — желтый, КЫЗЫЛ — красный, КӨК — синий

с индоевропейской (1 % в русской, 4,1 % в литовской, например)» [4, с. 30] отсюда предполагаю, что это подобно монгольскому языку, который входит в одну языковую семью с тюркским языком. В данном исследовании из электронной базы [9] было выявлено 3818 названий с желтым цветом, что составляет 1,77 процентов из общей суммы 214805 названий.

Прежде всего рассмотрим значение этого слова из Монгольского толкового словаря, которое означает «желтый как золото» [7, с. 3060]. Его символическое значение «Этимология слова “шир-а” (корень «шир») связано со словами “широй” (земля), “шир” (краска из земли). В монгольском космогенезе главный демиург сотворил землю из горсти желтой земли, что говорит о том, что символика этого цвета связана с мотивом сотворения мира» [1, с. 32].

О.Т. Молчанова рассмотрела значения этого слова из разных «монг. *шар*: 1) желтый, рыжий; 2) желток; *шаравтар, шарвар, шаргал* ‘желтоватый’; *шарагчин* ‘желтая (о масти самок животных)’; *шарга* ‘соловьи (о масти); палевый (о цвете) *’шарга морь* ‘соловая лошадь’; *шаргагчин* ‘1) светло гнедая (о кобыле); 2) антилона (самка)’; *шарилж* ‘бурьян’; *шар мөрөн* ‘желтая река (Хуанхэ) ’; *шар ус* ‘а) снеговая талая вода; б) нерен. ревматизм; в) сыворотка; [5, с. 193].

Если рассмотреть структуру географических названий с жёлтым цветом, то из двух слов состоит 920 названий, что составляет 24,09 процентов, из трех слов 2573 или 67,46 процентов, 304 названий состоит из четырех слов, что составляет 7,96 процентов, из пяти слов состоит 18 названий или 0,47 процентов.

Э. Равдан определил особенности структуры монгольских географических названий следующим образом: «Все названия в словаре монгольских географических названий классифицируются по количеству членов в словосочетаниях. Словосочетание состоящее из 2—4 членов являются активными, так как занимают 99,8 %, (двух членное занимает 56,2 %, трех членное 40,1 %, четырех членное 3,3 %), а одно, пяти, семи, восьми членные считаются не активными» [8, с. 10]. Из этого следует, что в названиях со словом желтый доминирует названия из двух и трех членные словосочетания. Из 3259 названий имен собственных, что составляет 85,35 % слово «желтый» состоит первым членом. Например: *Шар толгой*, *Шар Энгэрийн ам*, *Шар Зуухын Гозгор ам*, *Шар Хутулийн Узуур Гозгор уул*.

Топоним, шире любого собственного имени, состоит из двух морфем в любом языке. Что касается специфики монгольских топонимов, то они состоят минимально из двух самостоятельных лексем: имя собственное + базисное имя. Слово «жёлтый» всегда

употребляется в качестве имени собственного, а в качестве базисного имени не наблюдалось.

В качестве имени собственного слово «жёлтый» определяет 174 базисных имен. Если их классифицировать по общим географическим названиям, то это выглядит следующим образом: оронимы 94, гидронимы 26, топонимы, связанные с другими видами рельефа 32, фитонимы 24. Большая частотность наблюдается в оронимиях, таких как:

- *хад* 'скала; скалистая вершина; утёс' [2, с. 52] (437 раз)
- *толгой* 'одинокая небольшая горка или отдельная вершина в хребте; бугор Осн. зн. голова' [2, с. 50] (260)
- *чулуу* 'каменная осыпь, расположенная на расстоянии от скал, вызывающий внимание человека (194)
- *уул* 'одинокая гора или горный узел; горы; общее название для всякой возвышенности' [2, с. 51] (117)
- *ам* 'падь; впадина, устье пади, ущелья. Осн. зн. рот, отверстие' [2, с. 43] (99)

А в гидронимах:

- *булаг* 'родник; источник; ключ' [2, с. 44] (136)
- *худаг* 'колодец вообще' [2, с. 55] (78)
- *сайр* 'сухое русло водного потока; иногда мелкое место в реке' (70)
- *тойром* 'высохший солончак в виде круга, без растительности, покрытый трещинами' [2, с. 50] (56)
- *нуур* 'озеро вообще' (50)

Так же в топонимах, связанные с другими видами рельефа:

- *жалга* 'рытвина; канава; узкий лог; овражек; впадина; сухое русло; буерак; овраг' [2, с. 55] (105)
 - *хоолой* 'широкая долина между двух горных хребтов; ущелье; иногда — самое низкое место долины, по которому стекают дождевые осадки-талевег; проток, соединяющий два озера; пролив. Осн. зн. горло' [2, с. 54] (73)
 - *хөндий* 'довольно широкая долина; иногда пещера Осн. зн. пустой, пустота' [2, с. 54] (56)
 - *дов* 'небольшая горка; холм; курган; насыпь' [2, с. 45] (32)
 - *тал* 'равнина; ровное место; степь' [2, с. 50] (28)
- Далее, в фитонимиях:
- *мод* 'дерево; лес вообще' (64)
 - *ширэнгэ* 'лесная глушь; гуща' (46)

- *хулс* ‘тростник обыкновенный, обычен по болотам, зарастающим озерам, плавням, заливному лугам, берегам рек и озёр, по пескам с близкими грунтовыми водами’ (30)

- *дэрс* ‘чий, многолетние травы’ (23)
- *харгана* ‘карагана древовидная’ (12)

В оронимиях часто используется цветное прилагательное желтый, что является показателем тенденции цветового названия объекта через зрительное восприятие отражения реального предмета. В гидронимах мы можем использовать определение О.Т. Молчановой исследуемого цвета в значении «снеговая талая вода». В некоторых случаях желтый цвет применен не как базисное имя, а косвенно уточняющее имя собственное, из чего следует сделать вывод о необходимости дальнейших исследований в этой области.

В результате данного исследования можно сделать следующий вывод: в монгольских географических названиях по частотности цветное прилагательное жёлтый занимает четвертое место после «белого», «красного», «чёрного» цветов, по структуре является 2—6 членным именем. Чаще всего используется в оронимиях, указывая не только на цвет, а в некоторых случаях может нести дополнительные значения.

Список литературы:

1. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй 2 унгийн бэлгэдэл зүй, зуг чигийн бэлгэдэл зүй (Монгольская символика 2 цветовая символика, латеральная символика) УБ, 2007. — 32 с.
2. Казакевич В.А. Современная Монгольская топонимика (Изд-во АН ССР, Ленинград, 1934), перевод на монгольский, Дэлхийд тархсан Монгол газар нутгийн нэр, УБ, 2005. — С. 34—55.
3. Лингвистический энциклопедический словарь М. Советская энциклопедия под ред. В.Н. Ярцевой, 1990. — 515 с.
4. Молчанова О.Т. Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастиконе алтайцев, Советская тюркология № 3, Баку, 1985. — С. 30—42.
5. Молчанова О.Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе TURCOLOGICA К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова Ленинград, 1986. — С. 192—201.
6. Молчанова О.Т. Семантическое поле «красный цвет» в алтайском ономастиконе, Функционирование и историческое развитие диалектной и топонимической лексики Барнаул, 1989. — С. 25—26.
7. Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь (Монгольский толковый словарь) Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи УБ, 2008. — 3060 с.

8. Равдан Э. Монгол газар нутгийн нэрийн хэлбэр утгазуйн судалгаа (Структура и семантика монгольских топонимии) УБ, 2004. — 10 с.
9. Равдан Э. Монгол газар нутгийн нэрийн зүйлчилсэн толь: 1970—1980 он, 8 дэвтэр (Тезаурус монгольских географических номен) [CD] / УБ. 2004.

СЕКЦИЯ 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

РУССКИЙ РОМАНС: ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кривошей Ирина Михайловна

*канд. искусствоведения,
профессор кафедры камерно-концертмейстерского искусства
Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова,
РФ, г. Уфа
E-mail: irina.krivoshey@gmail.com*

RUSSIAN ROMANCE: SEARCH FOR NATIONAL IDENTITY

Irina Krivoshey

*candidate of Arts, Professor
of the Chair of Chamber Ensemble and Accompaniment Art
of the Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagilov,
Russia, Ufa*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме изучения ментальных скреп между русской вокальной музыкой и русской культурой. Делается вывод, что когнитивный подход позволяет выявить ментальные основания русского романса на уровне ключевых концептов русской культуры.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of mental connection between the Russian vocal music and Russian culture. It is concluded that the cognitive approach allows us to identify the mental bases of the Russian romance at the key concepts of Russian culture.

Ключевые слова: русская культура; русский романс; ключевые концепты.

Keywords: Russian culture; Russian Romance; key concepts.

О русской идентичности сегодня говорить модно. С одной стороны, это обусловлено желанием еще более дистанцироваться от существующих в эпоху «застоя» казенных лозунгов «пролетарского интернационализма». Другая сторона проблемы связана с тем, что вовлечение России в единое мировое культурное пространство, принесло с собой не только преимущества, но и негативные моменты. К последним относится нивелирование национального своеобразия, которое неизбежно ставит под угрозу забвения уникальные черты отечественной культуры. В ситуации культурной вестернизации российской общественностью был инициирован вопрос о реализации национального проекта «Культура России», цель которого обозначена как сохранение «собственного культурного лица», «национального культурного кода» [5]. Для достижения этой цели намечено решение ряда задач, среди которых первостепенными считаются популяризация культурного наследия и объединение общества на основе нравственных и моральных ценностей, которые проецирует многовековая история России и памятники литературы и искусства.

В ряду многочисленных факторов способности российского государства отстаивать свою самобытность и значимость в мировом социокультурном пространстве весомое место занимают изучение, сохранение, трансляция национальных традиций и актуализация художественного наследия, проявляющаяся в интерпретации и воссоздании национальной специфики текстов русской культуры. В этой связи как никогда актуальным становится исследование русской вокальной музыки с точки зрения доминантных для русской культуры концептов (смыслов).

Очевидно, что для экспликации импульсов, питающих «русскость» русского романа, локальные интерпретации (даже с привлечением исторического и культурного контекста) оказываются недостаточными, необходимо выявление и *объяснение* неких универсальных принципов, выстраивающих мостик (обуславливающих интерфейс) между русским романсом и русской культурой и позволяющих во всех индивидуальных проявлениях увидеть общее.

Создание объяснительных теорий, выявление и объяснение причинных механизмов, лежащих в основе изучаемых явлений, составляют фундамент когнитивного подхода, в основе которого лежит положение о том, что языковые средства детерминированы

когнитивными структурами, а категоризация мира происходит на уровне концептов.

Постулат отечественной гуманитарии о взаимосвязи связи слова, культуры и личностных смыслов очень важен для исследования «русского» в русском романсе, поскольку композиторский текст вокального произведения содержит словесный первоисточник. «Каждый народ обведен кругом своего языка» [4, с. 32], и потому концепт всегда говорит о «своей» культуре. Не случайно, в отечественной гуманитарии указывается на взаимосвязь между концептосферой языка и концептосферой культуры (Д. Лихачев), а концепт понимается как «ментальный генотип, атом генной памяти» (В. Колесов).

При всем разнообразии тем, сюжетов и образов нельзя не заметить, что ментальный фундамент русской камерной вокальной музыки формируют ключевые идеи русской культуры об определяющем значении пейзажного хронотопа и библейских заповедей, в которых красной нитью проходит богословие любви. Слова и фразеологизмы словесных первоисточников, репрезентирующие ценностные коллективные установки и образные стереотипы русской культуры, определили имена концептов — «Простор», «Диалог с Библией», «Человек любящий». Вариативно представленные в творчестве отдельных композиторов, указанные концепты не только формируют смысловое пространство русской вокальной музыки, но и являются формой ее категоризации, позволяющей в различном увидеть черты сходства. Поэтому, какую бы грань указанных концептов мы не рассматривали в отдельных романсах, она неизбежно отсылает к существенным признакам концептов — единение человека и Вселенной («Простор»), нравственные и духовные ценности Книги книг («Диалог с Библией»), любовь как высший дар («Человек любящий»).

Подчеркнем, в построении концептуальной системы русского романса участвуют и слово и музыка. Но скрепами в этой системе выступает слово: ни один вид искусства не может состязаться со словом в построении смысла. Например, именно слово в русской вокальной музыке актуализирует обязательные элементы образной парадигмы концепта «Диалог с Библией»-«Святая Русь»-«странник убогий»-«врата Божьего Града».

Однако и в музыкальном тексте романсов существуют свои единицы знания, которые позволяют «прочитать» важные смыслы для русской культуры. Так, мелодико-гармоническое клише D^7_6 , которое сформировало наш слуховой и ассоциативный опыт («Реквием» В. Моцарта, «Евгений Онегин» П. Чайковского),

в контексте слова участвует в формировании смыслового пространства печали и тоски о неслиянности земного и небесного («Горними тихо летела душа небесами» Ц. Кюи / А.К. Толстого) и невозможности всеобщего счастья на земле («На сон грядущий» П. Чайковского / Н. Огарева): в русской православной традиции только небо открывает путь к лучшей жизни. Музыкальная лексема «Гамма Судьбы» (А. Кандинский-Рыбников) «высвечивает» в русском романсе музыкальную составляющую концепта «Судьба», который считается ключевым в русской языковой картине мира [3, 7].

Каждый ключевой концепт русского романса включает признаки, которые в свою очередь являются характерными для русской культуры концептами. Так, к концептосоставляющим «Простора» в русской вокальной музыке относятся «воля», «душа», «Вселенная», «созерцание». Концепт «Диалог с Библией» отсылает к концептам «Любовь», «Красота», «Страдание», «Молитва», «Путь», «Преображение». Концепт «Человек любящий» актуализируется через концепты «Счастье», «Судьба», «Тоска», «Родина».

Отличительной чертой концептов русского романса является то, что они отсылают к другим текстам русской культуры. Объективируясь в различных знаковых системах, концепты свидетельствуют об их актуальности и значимости для носителей русской культуры. Например, концепт «Простор» знаково представлен не только в словесном искусстве, но и искусстве живописи, кино. Известные высказывания Б. Асафьева о «мелодиях-далях», «приволье родной страны», «степных просторах», которые ему «виделись» в музыкальных произведениях П. Чайковского, П. Бородина, С. Рахманинова [1, 2] подчеркивают факт репрезентации концепта не только в русском романсе, но и в русском музыкальном искусстве в целом. Обращение к Гефсиманской теме в русском романсе было обусловлено значимостью этого библейского сюжета для литературы (А. Апухтин, И. Бунин, Б. Пастернак), живописи (В. Перов, М. Врубель, А. Куинджи, А. Иванов).

В отечественном музыкознании всегда был интерес к изучению национальных особенностей русской музыки. Однако обращение к методам, не факультативно, а принципиально опирающимся на когницию, позволяет в процессе интерпретации русской вокальной музыки не только выявить механизмы смыслообразования, но и дать объяснение взаимосвязи концептов русского романса и русской культуры.

Список литературы:

1. Асафьев Б.В. Музыка моей Родины: Русский народ, русские люди — характеры, быт. / Реставратор Андрей Павлов Арбенин //Писатель. XXI век, — 2009. — вып. 4. — С. 146—171.
2. Асафьев Б.В. Музыка моей Родины: Русский народ, русские люди — характеры, быт. / Реставратор Андрей Павлов, Арбенин //Писатель. XXI век, — 2009. — вып. 5. — С. 137—154.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
4. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. — 269 с.
5. Президент России [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://state.kremlin.ru/council/7/news/16530> (дата обращения 10. 09. 2014).
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
7. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

3.2. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В БУДДИЙСКО-ЛАМАИСТСКИХ МИСТЕРИЯХ ЦАМ

Сундуй Джульетта Маадыр-ооловна

научный сотрудник

Международного научного центра «Хоомей»,

РФ, Республики Тува, г. Кызыл

E-mail: dzhusun7@mail.ru

CHOREOGRAPHIC PLASTIQUE IN BUDDHIST - LAMAIST MYSTERIES “TSAM”

Giulietta Sunduy

research scientist

of International Research Center “Khoomei”,

Russia, Republic of Tuva, Kyzyl

АННОТАЦИЯ

В статье изложена история происхождения буддийско-ламаистской мистерии цам. Ее отпечатки сохранились в наскальных рисунках, на петроглифах Тувы. Буддийско-ламаистская мистерия цам происходит от индийского храмового искусства. Шуньята («пустота») — Вечность, вездесущность в осознании законов причинно-следственных связей, о чем говорит буддизм, интересны также труды В.П. Васильева и его интерпретация «Шуньяте», как представления о Боге для христианина. Религия возвращается к искусству.

ABSTRACT

The article discusses the origin of Buddhist-Lamaist mystery “TSAM”. Traces of Buddhist-Lamaist mystery “TSAM” have remained in cave paintings on Tuvan petroglyphs. Buddhist-Lamaist mystery “TSAM” originates from Indian church art. Shunyata (“Emptiness”) — Eternity, omnipresence in understanding principles of cause-and-effect relationships, which are suggested in Buddhism. Works of V.P. Vasilyev and his interpretation about “Shunyata” as about God for a Christian are also of some interest. Religion is coming back to art.

Ключевые слова: тувинский танец цам; буддийско-ламаистская мистерия цам.

Keywords: TSAM; Tuvan dance “TSAM”; Buddhist-Lamaist mystery “TSAM”.

Научное мировоззрение известных учёных буддологов (О.О. Розенберг, В.П. Васильев, Ф.И. Щербатской, В.П. Андросов, А.П. Игнатович, Т.В. Ермакова, Е.П. Островская, Л.С. Васильев, Н.В. Абаев и др.) сыграло важную роль в определении буддологической позиции автора.

Известный отечественный буддолог О.О. Розенберг считал, что буддизм как система развертывался одновременно на нескольких уровнях: философской рефлексии, йоги, ритуала, практической этики. Буддизм как составляющая индийской философии и буддизм как народная религия являются двумя течениями, которые хотя по времени и параллельны, но имеют каждое свою историю. Системные уровни буддизма несводимы один к другому и имеют различные ценностные критерии [28, с. 11].

Существует вероятность того, что традиции обрядов, зародившихся ещё в бронзовом веке, при которых применялись культовые маски, в какой-то мере прослеживаются и в ламаистской мистерии цам [22, 23]. Из наскальных рисунков мы видим, что буддизм имел довольно широкую известность. К XIX в. относится ещё один уникальный памятник — ниша с изображением Будды, двух его учеников и двух охранителей веры. Ниша «Чурумал-бурганныг» располагается на горе Сюмэ, которая находится около впадении реки Чаа-Холь в Улуг-Хеме. Так же, как и Бижиктиг-Хая, Чаа-Хольская ниша посещалась путешественниками и исследователями Центральной Азии ещё в XIX в.

О мистериях цам, проводившихся в Туве, писали иностранные путешественники конца XIX — начала XX в. [22, 23] и ученые В. Дьяконова [6, с. 123], М. Дэвлет [7, с. 250; 18, 27, 29, 31], М. Монгуш [18, с. 87], А.К. Кужугет [14, 15].

Цам — самая важная храмовая мистерия тибетцев, тувинцев, бурятов, калмыков и монголов. Торжественные мероприятия Цам проводятся в день рождения Будды Шакьямуни, в Новый год по тибетскому календарю, праздник Майдыра и другие важные религиозные праздники во всех крупных ламаистских храмах. Буддийско-ламаистская мистерия цам была в Туве самым ярким мероприятием. В Туве цам совершался в крупных храмах, с большим количеством лам и хуураков (учеников): Самагалтайском, Бай-

Хольском, Эрзинском, Эртине-Булакском, Хемчикском, Тоджинском, поскольку для цама требовалось значительное число участников, около ста.

«Цам» — (тиб. «чхам») в переводе означает «танец» или, точнее, «танец богов» [19]. Цам — священные пляски лам, одетых в разноцветные маски и костюмы докшитских богов. Содержание цама заключалось, в представлении защитников учения Будды в лице грозных божеств — покровителей ламаизма, во знаменовании чистоты учения и их борьбы со злыми духами — вредителями ламаизма. Предназначение докшитов заключалось в том, чтобы уничтожить еретиков и врагов религии, и внешний вид этих гневных защитников веры соответствовал их предназначению [15].

По традиции, установление цама приписывается индийскому йогу Падмасамбхаву, жившему в Тибете в VIII в.

А.Н. Кочетов пишет [13, с. 118]: «Исторически так сложилось, что священные танцы пришли в тибетский буддизм из традиции Бон и были усовершенствованы Гуру Падмасамбхавой, который передал ученикам и, соответственно, всей линии передачи Ньингма, свое собственное видение движений божеств. Позже Великий Пятый Далай-лама, известный своими глубокими медитативными переживаниями, систематизировал ряд танцев и утвердил порядок их проведения. Ламаистская легенда гласит, что некоторые из докшитов первоначально были тибетскими богами и демонами. Впоследствии они были укрощены и обращены в новую веру. Дав обет служения буддийской вере, они стали яростными воинственными охранителями буддийского учения. Согласно традиционной версии «северного буддизма», включенной в канонический текст, Шакьямуни (Будда) предсказал, что расцвет его вероучения наступит в будущем в том «снежном царстве», которое не смог обратить в веру ни один из трех прежде являвшихся на землю Будд, в царстве, которое «населено злокозненными духами и демонами». В свою очередь М.А. Дэвлет утверждает [7]: «Надо полагать, что при распространении буддизма в глубинные районы Центральной Азии древние местные божества, духи предков и т. д. воспринимались буддийскими проповедниками как враждебные силы, злые демоны. В дальнейшем северный буддизм-ламаизм, ассимилируя местные добуддийские культы, включил их в свой пантеон, возведя в разряд гневных божеств — докшитов».

Центральным персонажем цама является владыка ада — докшит Чойджал (тиб.), он же Эрлик (древнеуйгур.) или Яма (древнеинд.). Знаменательно, что Эрлик входил в число небожителей и до буддизма в Туве, об этом есть даже упоминание в древнетюркских

текстах [8, с. 72]. Согласно буддийским преданиям, Чойджал был последователем религии бон в Тибете.

По мнению А.Д. Авдеева [1, с. 174], многообразии вариантов цам дает возможность предполагать, что «ламаистский Цам в качестве религиозной буддийской мистерии исторически сложился из многих составных частей. В этом же убеждает и разнохарактерный состав образов Цама». Далее «Уже одно это, — пишет А.Д. Авдеев, — свидетельствует о том, что образы древних шаманских мистерий были использованы и в буддийском представлении».

Н.Я. Бичурин пишет [3, с. 245]: «Чтобы разобраться в этом явлении, необходимо сначала учесть, что распространенное мнение о том, что «гневные божества» буддизма — языческие боги, принятые в буддийский пантеон, правильно только отчасти. Некоторые дхармапалы и идамы могут быть таковыми, но не все, ибо сам буддизм в своем развитии претерпел значительную трансформацию, и, отбросив историю проникновения и укрепления буддийской общины в Тибете, мы обречем себя на непонимание и тибетского ламаизма, и тибетской истории. Кроткий бодхисаттва превращался в гневного дхармапалу, а буддийский аскет натягивал лук и считал, что он совершает дело великого совершенствования, убивая врага своей веры. Не умозрительные идеи творили действительность, а жестокая и мятежная жизнь выкристаллизовывалась в исповедания вер».

В.П. Дьяконова писала о тувинском цаме [6, с. 123]: «Самый популярный религиозный праздник года «Цам» обычно устраивался в середине лета (июнь-июль в день Майтрея) в каждом крупном монастыре». «Пляски состояли из тяжёлых и неловких скачков с одной ноги на другую, — писал А.М. Позднеев [24, с. 392], — то из подпрыгивания обеими ногами; немало также бегают, вертятся кругом и приседают. Танцы большинства персонажей были чрезвычайно медленны и донельзя однообразны».

В июле 2003 г. в Туву тибетские ламы монастыря «Гьюдмед» в Индии показали ритуальную пляску во время построения мандалы «Калачакра». Ламы исполнили танец цам по всем канонам и правилам, в котором они приглашают божества и их свиты. На голове шапка с черной кисточкой впереди, которая покрывала глаза. Во время танца ходили по кругу по часовой стрелке, поворачивая в правую сторону, поднимали правую ногу, при этом одновременно показывая жест руками. Затем правую ногу медленно опускают на землю и медленно поднимают левую ногу, при повороте делают жест руками, символизируя подношения. Затем медленно опускают левую ногу и опять медленно поднимают правую ногу при повороте, совершают

руками жест мандалы. И познают этот жест только при посвящении с помощью учителя (гуру).

Суть тибетского буддизма — связь с просветленными — умершими духовными наставниками, бодхисатвами, буддами и так далее. Мы вызываем их в своем сознание, открываем им свои сердца и получаем их благословение. Путь к этому лежит через ритуал. Одно из самых обычных ритуальных средств для этого — семикратное вознесение молитв буддизма махаяны: человек визуализирует желаемое существо или существа, затем 1) приветствует, 2) делает реальные и воображаемые хорошие пожертвования, 3) признает свои недостатки и нанесенный другим вред, 4) радуется существованию просветленного существа, которому преданно поклоняются, 5) просит их учить его, выражая так свою открытость и желание быть руководимым, 6) просит остаться на связи со страдающими существами сансары и не исчезать в нирване и 7) посвящает все качества или совершенства, которые накопил сам, для благосостояния всех существ. В этом простом, кратком обряде закрепляется связь с более высокими существами, подтверждается и реализуется определенный вид отношений с ними [2, 26].

Мудры символизируют восемь подношений для божеств: вода для умывания лица, вода для умывания ног, благовоние, светильник, музыка, ароматная вода, фрукты, цветы. Основополагающим в ритуале считается смысл, вкладываемый в музыку. Понятие «подношение музыки» связано с тем, что божествам может быть преподнесено пять желаемых, относящихся к пяти органам чувств (это отражается и на буддийских танках): например, зеркало — зрение, шёлковые кадаки (полоски ткани в виде шарфа) — осязание, яства — вкус, благовония — обоняние, морская раковина — слух. Извлечение звуков на ударных или духовых инструментах — приглашение божеств, сакральное действие. Существуют «умиротворенные» предметы и различные ритуалы, посвящённые разным божествам — мирным (умиротворяющее и приумножающее) и грозным (гневное и усмиряющее).

Миссия буддийского сакрального танца заключается в следующем. Посредством пяти мудростей уничтожаются пять клеши: неведение и тупость, ревность и зависть, алчность и жадность, агрессия и гнев, привязанность и вождление: Вайрочана — всеохватывающая мудрость уничтожает неведение и тупость посредством ом белого цвета, элемента пространства; Амогхасиддхи — всеисполняющая мудрость уничтожает ревность и зависть посредством зеленого цвета, элемента воздуха; Ратнасамбхава — абсолютная мудрость уничтожает

алчность и жадность посредством дзам оранжевого цвета, элемента земля; Акшобья — зеркалоподобная мудрость уничтожает гнев и агрессию, посредством хум синего цвета, элемента вода; Амитабха — различающая мудрость уничтожает привязанность и вожделение посредством хру лилового цвета, элемента огня.

Танец цам является тантрическим танцем, во все исторические времена его исполняли только ламы [5, с. 99]. А в настоящее время во время народных массовых гуляний его танцуют артисты филармонии, танец выглядит как современное театрализованное представление, под звуки шумной музыки совершаются обычные прыжки и беговые шаги без определенных движений и жеста подношения. Народ же привык воспринимать ритуальные танцы в масках как развлечение, спектакль. На самом деле это печальный признак вырождения тантры. Полагают, что, если в тантре не выполняются предварительные условия, практики могут принести больше вреда, чем пользы.

Тай Ситупа предлагает интересную версию исполнения [29]: «Например, в Непале ламскую мистерию исполняют только ламы высокого ранга, как показали танец Махакалы. Танец Махакалы является примером представления, которое исполняется в монастырях во время ритуальной церемонии, называемой пуджа. Танец Махакалы исполняется с разными целями, главная из которых — медитация. Эта разновидность ритуала приносит благословение также и всему окружающему пространству, находящемуся под защитой и покровительством Махакалы. Танцор в точности следует тексту пуджи Махакалы. Фигуры каждого танца, а также их последовательность определены предписаниями, содержащимися в тексте».

Мирандо Шо сообщает: «Ламаистская мистерия делится на три разновидности исполнения: в гневной форме, в мирской и в созерцательной форме» [17, с. 123].

Буддийский духовный танец — это гармонично скоординированные движения тела, ума, речи. А ламаистские мистерии содержат более универсальный смысл и путём интуитивных проникновений выполняют функцию усмирения и очищения пространства, посредством одновременно ментально-телесно-чувственно-речевых средств. В тантризме существуют четыре преобладающих взгляда или способа направления энергии: оцепеняющий, подчиняющий, поражающий и заклинающий.

Как и в Южной Индии, в Манипуре существует каста храмовых танцоров (майби). Майби — избранники духов, своего рода шаманы [29, с. 95]. В представлении майби проявляется состояние

одержимости: танцую перед изображением богов, они впадают в транс (майби лай тонгба).

Индия дала толчок развитию исполнительского искусства и за пределами Южной Азии. Происхождение многих танцевальных стилей Центральной, Юго-Восточной и Восточной Азии связано с индийским наследием. В.Ц. Найдакова пишет: «Видным примером влияния индийского ритуального исполнительского искусства может служить цам (тибетское чам — «танец») — буддийская мистерия, исполняемая в монастырях Тибета, Монголии, Бурятии, Тувы. Цам возник в Тибете и был связан с тантрическим буддизмом. Предполагается, что истоки священных танцев и пантомимы в масках цама — индийского происхождения; в них используется та же система жестов, что описана в «Натьяшастре» и «Абхинайя дарпане»» [19, с. 5, 26]. Считается, что священные танцы в масках божеств первым исполнил Падмасамбхава при сооружении монастыря Самье великому Учителю, главе секты красношапочников, чтобы победить сопротивление местной религии бон-по» [19, с. 4—5]. В Тибете имеется поверье, что именно с помощью мантр и мудры великий Падмасамбхава одержал победу над демонами местной религии бон-по. Священные танцы в масках и без масок, с диалогами и текстами заклинаний (тарини, мантра) распространены во многих буддийских монастырях. Нередко их называют Тантра нритья — ритуальные танцы пути, танцы круга и жертвоприношения. Однако эти представления имели также зрелищный характер, писала В.Ц. Найдакова.

Исследовательница цама В.Н. Найдакова отмечает, что «театральность в нем присутствовала изначально, она «была вложена в самих письменных руководствах к обряду, где все было расписано от начала до конца: каждое движение ног, положение пальцев и кистей рук (система 12 мудра), предметы, которые держали в руках разные божества, порядок танцев и пантомимы, музыка. Танцевальные движения лам (судя по тому, как это показывал семидесятилетний Ц. Гатапов в 1968 г.) [исполнитель цама Дуйнхора, ввезенного в Бурятию в 1905—1907 гг. из Тибета. — С.Р.] очень напоминают характер индийских храмовых танцев, с которыми знакомили советских зрителей в 1970-х гг. гастролировавшие по бывшему СССР известные индийские мастера» [19, с. 16, 26]. Следует отметить еще одну важную деталь: ламы-танцовщики совершали жертвоприношение Калачакре (божеству колеса времени) от имени женских божеств. Их движения должны были быть плавны, изящны. Служение божеству в женском облике, как мы видели, весьма характерно и для танцевального искусства Индии. Жрец произносит мантру,

делает руками мудры и тем словно бы «запечатывает» мантры. Мудры делали как индуистские, так и буддийские священники. Индийцы считают, что мудра активизируют тело, звук — душу, а память — дух. Эта уникальная система жестов задействована и в скульптуре, и в театре, и в танце» [12, 16, 21, 32, 25].

Далее В.Ц. Найдакова пишет: «Само слово «сам» в индуизме означает — «квинтэссенция всего сангита». Формально это наиболее акцентированный удар в тале, всегда первый и последний в авартанец, символизирующий начало и конец времен, логическое завершение темы. С него обычно начинается и им всегда кончается всякая танцевально-вокально-музыкальная композиция. В финале композиции он требует абсолютного ритмического единства танцора и музыкантов, создавая состояние возбуждения и у исполнителей, и у зрителей. Понятие «сам» восходит к текстам Вед и Брахман. «Сам» — важнейший элемент древнеиндийского ритуала, в котором наиболее ярко воплощена идея соединения, собирания.

Отто Менхен-Хелфен участвовал в таком празднике в Туве жарким летом 1929 г. [16, с. 295]: «Около тысячи тувинцев со всего Хемчикского района пришли на праздник. Маски композиционно передавали отчётливые признаки своего происхождения. У них были бороды индийских демонов-духов и не монгольские черты лица». По этому описанию видно, что сохраняемая форма костюма свидетельствовала о его происхождении.

Как видим, происхождение цама корнями уходит из Индии: само слово происходит от индийского «сама», а форма сюжета борьбы со злыми духами позаимствована из мистического опыта Падмасамбхавы и бон-по, и, следовательно, мы приходим к выводу, что индийское храмовое исполнительское искусство повлияло на буддийско-ламаистскую мистерию цам.

Хотя сам Будда предлагал постигать его уникальное учение, мудрость, а не опираться на ритуалы, в ламаистских ритуалах тувинцы поклоняются ему как божеству. Шуньята («Пустота») — это Вечность, вездесущность в осознании законов причинно-следственных связей, о чем говорит буддизм. Шуньята имеет то же качество, как и Святой Дух в христианстве. Если бы не потерянные работы¹ русского

¹ В книге «Буддизм и Христианство в их учении о спасении» Иеромонаха Гурия приведен только содержание его книги о «шуньяте» и о святом духе, а самой работе как потерянной сообщает с сожалением Иеромонах Гурия.

буддолога В.П. Васильева [4, с. 8], в котором сказано, что «пустота» (санск. «Шуньята») имеет свойство Бога, как и у христиан: «Всякая религия заключает в себе философские основания; за основание буддизма надо принимать «пустоту», как бытие отрешенное, начало и сущность всего; божество само по себе есть для буддиста тоже «пустота», — несомненно, буддизм и христианство нашли бы много общего.

Учение Будды охраняют «гневные тибетские духи». Тибетский буддизм особенный и отличается от китайского дзен-буддизма и палийского буддизма тем, что в нем совмещались иерархия буддийских божеств с местными духами, вовлечёнными в кармические связи, порождая замкнутый круг. Действительно ли тибетские защитники учения Будды обладают способностью постижения мудрости «шуньяты» («пустоты») или они обычные гневные духи? Если они обладают мудростью «шуньяты», тогда отпадет необходимость в проведении ритуалов с гневными божествами или буддийско-ламаистской мистерии в гневной форме, с нанесением вреда противнику религии. Обычный танцор не помогает себе, а наоборот, накапливает дурную карму во имя религии, вызывая в людях ужас перед иной религией.

Религии, таким образом, воспринимаются как проявление одной доктрины в различных вариантах, специфичных для конкретного времени и этноса. «Будда проповедовал полный отказ от обрядности и ритуалов и все внимание уделял нравственным проблемам и дисциплине духа» [11, с. 18], — пишет один из последователей индийской культуры Х. Кабир. Религия возвращается к искусству.

Буддизм повлиял на древнейшие национальные художественные традиции народов Индии, Китая, Японии, Цейлона, Монголии, Тибета. Для исполнения ламаистской мистерии сам важное значение имеет, кто, где, как и для какой цели его исполняет. Следует сказать, что, как правило, ритуальная мистерия переходит в искусство.

Список литературы:

1. Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытном строе. М., 1959..
2. Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М: Восточная лит. РАН, 2001. — 508 с.
3. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. I. СПб., 1833.

4. Васильев В.П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I. СПб., 1857.; Васильев В.П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I. СПб.: 1869. С. 8. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: twigrx.com; // Иеромонах Гурия. Буддизм и Христианство в их учении о спасении. Казань: 1908.; Философия буддизма. «Православный собеседник» первое полугодие, Казань: 1908 г. — с. 124—134.; Нигилистический принцип буддийской философии «Православный собеседник» янв. Казань: 1909 г. — с. 509.
5. Владимирцов В.Я. Тибетские театрализованные представления. М., 1923.
6. Дьяконова В.П. Цам у тувинцев //Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начала XX в. Л.: Наука. 1976. — С. 113—129.
7. Дэвлет М.А. Загадка грозной мистерии //Атеистические чтения. М., 1990.
8. Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990.
9. Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука. 1980.
10. Иеромонах Гурия. Буддизм и Христианство в их учении о спасении. Казань, 1908.
11. Кабир Х. Индийская культура. М., 1963.
12. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию. Верование сойотов // Шойгу С.К. Тыва дептер. Урянхайский край. Перекресток мнений (конец XIX — начало XX). Т. IV. М., 2007. — С. 372.
13. Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1983.
14. Кужугет А.К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. Кызыл, 2002.
15. Кужугет А.К. Цам в Туве // Ученые записки. Вып. 18. Кызыл, 1995.
16. Менхен-Хелфен О. Путешествие в Азиатскую Туву // Шойгу С.К. Тыва дептер. Танну-Тувинская Народная Республика (1921—1944). Т. VI. — С. 295.
17. Мирандо Шо. Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме. М., 2001. — 368 с.
18. Монгуш М.В. Ламаизм в Туве. Кызыл, 1992.
19. Найдакова В.Ц. Буддийская мистерия Цам в Бурятии. Улан-Уде, 1997.
20. Нигилистический принцип буддийской философии // Православный собеседник. Янв. Казань, 1909. — С. 509.
21. Островских П.Е. Саянские хищники. М.-Л., 1927.
22. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Северо-Западной Монголии // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XVI. СПб., 1887. — С. 392—401.
23. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887.

24. Рей Р.А. Нерушимые истины / пер. с англ. О.И. Максименко. М.: ООО «Астрель», 2004. — 511 с.
25. Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели // Шойгу С.К. Тыва дептер. Т. III. М., 2007. — С. 573.
26. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.
27. Рона-Таш А. По следам кочевников. Монголия глазами этнографов. М., 1964.
28. Рыжакова С.И. Индийский танец — искусство преображения. М., 2004.
29. Тай Ситупа. Относительный мир, абсолютный ум. Лондон: Бостон, 1992.
30. Философия буддизма // Православный собеседник. — Первое полугодие. Казань, 1908. — С. 124—134.
31. Шастина Н.П. Религиозная мистерия Цам в монастыре Дзун-Хурэ // Современная Монголия. — 1935. — № 1. — С. 93.
32. Шойгу С.К. Тыва дептер. Урянхайский край. От Урянхия к Танну-Туве. (конец XIX — I половина XX века). Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири. Т. V. М., 2007.
33. Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. Изд. второе, переработанное и дополненное. М.: Высшая школа, 1985/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: OCR Biografia.Ru

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА В ОБРЯДАХ И РИТУАЛАХ ТУВИНСКИХ ШАМАНОВ

Сундуй Джюльетта Маадыр-ооловна

*научный сотрудник
Международного научного центра «Хоомей»,
РФ, Республики Тува, г. Кызыл
E-mail: dzhusun7@mail.ru*

CHOREOGRAPHIC PLASTIQUE IN RITES AND RITUALS OF TUVAN SHAMANS

Giulietta Sunduy

*research scientist
of International Research Center “Khoomei”,
Russia, Republic of Tuva, Kyzyl*

АННОТАЦИЯ

По нашей версии, происхождение шаманов идет от 4-х стихий (огонь, вода, земля, воздух); тотемических животных (медведь, птица и др.); сил местностей (гор, рек, источников, перевалов и др.); духов-предков и от злых духов. Тувинский танец шамана переходит от ритуала к искусству и состоит из песенной ритмики шаманского песнопения. Ритмические движения шамана имели сильные мощные воздействия, как и само слово шамана.

ABSTRACT

Our theory is that the origin of shamans comes from: four elements (fire, water, earth, air); totemic animals (bear, bird etc.); places of force (mountains, rivers, springs, passes etc.); pitres and evil spirits. Tuvan shaman's dance passes from a ritual to art. Tuvan shaman's dance consists of song rhythemics of shamanic chants. Rhythmical movements of a shaman had heavy influence as well as a shaman's word.

Ключевые слова: танец шамана; тувинский танец шамана; тувинский танец.

Keywords: Shaman's dance; Tuvan shaman's dance; Tuvan dance.

Неоценима роль историко-этнографических исследований учёных-шамановедов. О тувинском шаманизме также имеются

научные труды русских и зарубежных исследователей: В.И. Харитоновой, Г.Н. Потанина, Н.Ф. Катанова, В.В. Радлова, Н.Е. Яковлева, Ф.Л. Кона, С.И. Вайнштейна, В.П. Дьяконовой, Л.П. Потапова, Н.А. Алексева, В. Диосеги, Э. Таубе (ГДР), Г.Е. Грумм-Гржимайло. Как показывают историко-этнографические исследования учёных-тувиноведов, шаманство являлось органической частью всего комплекса духовной культурной жизни тувинского народа. Шаманизм в большей степени изучался с позиции антропологии и этнографии. Он привлекает учёных все больше с философской, этнографической, антропологической, психологической и с культурологической стороны.

Шаманизм в Туве рассмотрен в историко-генетическом плане, подвергнут сравнительно-историческому и структурно-функциональному анализу, разработаны общая схема и основные этапы его эволюции от первобытного состояния до современности, определены его роль и место в истории тувинского народа, внесены уточнения и дополнения в характеристику основных этапов эволюции шаманизма в Туве, его составных компонентов и социальной природы, раскрыт механизм наслаивания нового на старое и образования новых синкретов в религиозном комплексе.

«В Туве шаманизм возник очень давно. Археологической экспедиции Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории удалось обнаружить изображение шамана, выбитое на скалах (в Улуг-Хемском районе) около двух тысячи лет назад», — писала Дэвлет М.А. Эти антропоморфные фигуры с огромными грибообразными головами, с предметом округлых очертаний у пояса, с согнутыми в коленях ногами и нередко оттянутыми вниз носками. Человекогрибы пегтымельских петроглифов (как и на тувинских наскальных рисунках) нередко изображаются в позе пляшущего человека. На организм человека употребление красных мухоморов оказывает действие, напоминающее отравление алкогольными напитками. Считалось, что опьянение мухоморами помогает понимать язык духов. М.А. Дэвлет высказывала предположение, что изображения грибоподобных пляшущих человечков в Саянском каньоне Улуг-Хема связаны именно с этим одним из древнейших культов — культом грибов мухоморов [2].

И.А. Манжигеев пишет: «Шаманизм — слепая вера человека в существование сверхъестественных сил, в воображаемые двусторонние отношения между человеком и духами, посредником в которых выступает шаман. Эта вера выражается в угощении духов жертвоприношениями и обращении к ним с просьбой о заступничестве и помощи» [6]. Цель камлания — путешествие в потусторонний мир,

победа над злым духом, который уклоняется от борьбы. Общение шаманов с духами происходило во время особого обряда — камлания (хамнаар). Эпизод камлания шамана состоит из трёх этапов: пролог камлания, возвеличивание шаманской профессии, затем эпилог камлания.

По приведенной М.Б. Кенин-Лопсаном классификации тувинских шаманов по происхождению (он их делит на пять категорий) можно видеть связь шаманов с тремя космическими зонами. Тувинские шаманы происходят: от предков, от духов земли, воды и неба, от злых духов «албыс» или «аза» [8]. Шаман, чьим тотемом был бык, — сильный. По нашей версии, происхождение шаманов идет от 4-х стихий (огонь, вода, земля, воздух); тотемических животных (медведь, птица и др.); мест сил (гор, рек, источников, перевалов и др.); духов-предков и от злых духов.

Как правильно отмечает В.В. Солярский, «шаман не только жрец и врач, но также советчик, прорицатель, предсказатель таинственных знаний, лучший сказочник, певец, баян» [7, с. 150]. В книге известного шамановеда, писателя, шамана Монгуша Бора-Хооевича Кенин-Лопсана «Алгыши тувинских шаманов» они носят на себе отпечаток творческой индивидуальности шаманской поэзии. Как показывает анализ шаманской мифологии, каждый шаман стремился к тому, чтобы у него был свой ритуальный наряд, своя мелодия, свои тексты, своё выразительное исполнение танца, своя родословная.

Слово — главное оружие тувинского шамана. Опыты изучения обрядовых действий, проводимых тувинскими шаманами, показывают, что ни один шаман не хочет повторить алгыши другого шамана. Отсюда многообразные ритмические процессы алгышей. И были в редких случаях шаманы, которые свои алгыши пели одновременно на тувинском, монгольском и китайском языках [5, с. 21—35].

Шаманская поэзия — искусство устного творчества, проникнутое духом религиозности шамана. Шаманские алгыши — это совершенство тувинского фольклора, прародитель всех жанров песенного творчества тувинского народа, а также современной тувинской поэзии. Это высокая поэзия мифологического наследия тувинского народа и составная часть общечеловеческой культуры. Алгыши тувинских шаманов — это и благословение, и проклятье, признание в любви и вызов на бой. Особенностью жанра шаманских алгышей является их мифическое содержание, сохранённое до настоящего времени. В них поэтически выражены и философия, и психология, и красота языка народной педагогики тувинского этноса. В нём отражены истоки устного поэтического творчества,

духовный мир и этнический менталитет тувинского народа. Знаток шаманских алгышей Монгуш К.-Л. Б.-Х. пишет [5, с. 21]: «В систему изобразительных выразительных средств шаманского песнопения входят эпитет, метафора, олицетворение, гипербола. Поэтика алгышей — это волшебная комбинация звуковых средств и могучий сингармонизм тувинского языка. Шаманский алгыш — строгий ритм. Они в совершенстве владели ритмом каждого алгыша. Главной особенностью шаманских алгышей является ритмическая повторяемость одинакового количества гласных звуков в строке. Шаманский алгыш в основном построен разносложно по числу слогов, чем определяется его ритмичность. Строгое чередование междометий в начале и в конце строки выступает как главный определитель ритмической дисциплины шаманской поэзии. Главным свойством шаманских алгышей является гармоническое созвучие одинаковых гласных. Если отсутствует хоть один гласный в какой-то строфе шаманских алгышей, ухо тувинского человека не может наслаждаться их музыкальностью. Ритмичность алгышей — это музыкальная гармония одинаковых гласных в парных строках. Часто встречаются шестигласные, восьмигласные стихи и редко двухгласные, четырёхгласные, двенадцатигласные стихи. Очень редко — трехгласные, пятигласные, семигласные и девятигласные стихи. Поэтому не трудно было строить шаманский танец, состоящий из живой песенной ритмики шаманского песнопения. Движения шамана имели сильные мощные воздействия, как и само слово шамана. Характерная черта в деятельности тувинских шаманов — это тесная связь с устным народным творчеством, в частности: словом, песней, танцем, музыкой, мимикой, пантомимой, с искусством вообще. Шаманы были хранителями и исполнителями народных преданий, мифов, легенд, песен, пословиц, поговорок. В шаманских алгышах поэтически выражены и философия, и психология, и красота языка славных предков тувинского этноса».

Шаман — поэт, искусный сказитель, актёр театра, танцор, примеры искусства перевоплощения шамана приведены в книге М.Б. Кенин-Лопсана [5, с. 21]. В плясках шамана живописно, красочно описывалась природа, боги и духи, их волшебные превращения и похождения, их возвеличенные, гиперболизированные образы представляли собой большой интерес. Если рассматривать шаманскую мистерию с актёрской стороны, она представляла собой большое драматическое представление: она выявляла, правда, единственного актёра, но актёра разностороннего, универсального. В шаманских камланиях движения отмечены стройностью ритмики и изяществом танца. Тувинский шаманизм тяготеет к искусству. Тувинские шаманы

в большой степени обладали актёрским даром, жестикулировали, танцы у них достигали виртуозности, большими прыжками танцевали круговые шаги прыжки то на правую, то на левую сторону. У некоторых шаманов для большей наглядности преобразования применялись различные маски. Другие же создавали всевозможные образы исключительно с помощью своей актёрской выразительности.

Имея дар перевоплощения и обладая значительным арсеналом актёрских приёмов, шаман в течение сеанса выступал в различных образах: лошади — подражал её храпу, скакал и лягался; изменив голос, говорил за своего духа-помощника; изображал полёт чёрной птицы; подражал птичьему крику, изображал кукушку и охоту на неё духа-помощника, играл роль могущественного духа, иногда чертей (аза бук); разговаривал с ним на два голоса; разыгрывал сцену поимки зайца, играл со своим духом и т. д. Таким образом, чем выше было мастерство шамана, тем скорее становился он в глазах зрителей-верующих могущественным волшебником, тем сильнее заставлял он людей поверить в существование, присутствие и могущество невидимых сил. Постепенно повышая голос, шаман перечислял своих духов-помощников зверей и птиц: ворона, сокола, уток, рыб, змей, могучего горного козла и др. Хвалил, воспевая их достоинства, рассказывая, что они в это время делают.

В 1931 г. Отто Манхен-Хельфен, посещая Туву жарким летом, писал об увиденном [3, с. 55]: «...Найдын начала камлать, бить в бубен и при этом раскачиваться всем телом. Она держала бубен в левой руке за перекладину внутри его. Сначала следовали два удара сряду, причем бубен держался у левой ноги, затем сильным взмахом бубен переносился к правой ноге, и здесь делался удар, получалась дробь марша. Голова шамана постоянно наклоняется, сначала вся шаманская пляска состоит из этих движений, вызываемых ударами в бубен, затем уже следуют разные вариации, но все время ноги шамана остаются почти неподвижным, и двигается только верхняя часть туловища, иногда с изумительной быстротой. Пляска и музыка Найдын были очень энергичны. При высоком росте и стройности шаманки, при естественной грации, которой она обладала, эти пляски никогда не переходили у неё в безобразные кривлянья. Лицо кама всегда бывает наполовину скрыто бахромой от шапки. Найдын прикрывала его, кроме того, бубном и старалась держаться в тени. Один или два раза Найдын начинала неистово кружиться на одном месте, тогда плащ её, все его ремешки и змеи разлетались во все стороны и кружились вокруг её стана. Пляски свои Найдын прерывала, обходя время от времени вокруг очага, медленно, с остановками и тогда начинала

петь. Пение было чрезвычайно приятно, так как голос её был нежен. Мотивов было много. Пение было до крайности заунывно, иногда оно переходило как бы в плач. Эти переходы от бурной пляски, от громовых ударов бубна к нежным мелодиям пения производили очень сильное впечатление. По временам Найдын издавала какие-то свистящие, шипящие и гортанные звуки или подражала ржанию лошади и кукованью кукушки — это, по объяснению окружающих нас, должно было изображать прибытие духов, подвластных Найдын и вызванных камланием её. Дальше она пела: “Левой рукой держусь я за раду, правой — за небо. Тело мое велико, как гора, сердце мое крепко, как кишечило (надмогильный камень). Шуба моя из лохмотьев, пища моя горька, как сосновая смола”... Надо отдать справедливость Найдын — она хорошо поняла сценический эффект этой последней сцены...» [6, с. 57]. Танцевальные движения современных шаманов не отличаются от движений танцев шаманов столетие назад.

Исследователи-шамановеды В.К. Арсеньев, И.А. Лопатин, Л.Я. Штернберг [1, с. 44] пытались найти закономерности или какую-либо определённую последовательность в хореографическом тексте шаманской пляски, но так и не смогли её установить. Шаманская пляска — эта импровизация. Зачастую сила шамана оценивалась по его способности импровизировать: сочинение стихотворения, музыки-пения, танца. Сначала идёт медленная часть, которая, постепенно ускоряясь, превращается в бурный, как его называют очевидцы, «бешеный» танец с нарастанием темпа, ритма, эмоционального напряжения, который вдруг резко обрывается в своей кульминационной точке. Анализ хореографической структуры шаманского танца выявил часто повторяющееся движение «шаги» — покачиванием корпуса. Обращение к конкретным материалам позволило установить, что эти мерные шаги с покачиванием бёдер (притом без подчинения какому-либо ритму) являются основным движением экстатической пляски шаманов.

Схема движений и структура камлания: сушка бубна, одевание. Костюм специальный: особо украшенный халат, увешанный различными побрякушками, с бубном, с колотушкой и посохом.

Шаманские камлания исключительно богаты элементами поэзии, музыки, пения и танцев. Шаманские камлания, без сомнения, внесли свой вклад в развитие творческого начала в культуре тувинского народа, если рассматривать их с искусствоведческой точки зрения. Само выступление шамана как вид театрального искусства стало ступенькой в эволюции театральности (литературная сценическая

речь, танцевальные движения, мимика лица и манера исполнения актёров музыкально-драматического театра).

В наши дни сюжет шаманского камлания исполняется иногда участниками художественной самодеятельности и артистами разных народов: бурят, монголов, тувинцев — для воспроизведения национальных танцев и обычаев, служит канвой для создания яркого художественного зрелища. В последнее время появились шаманы даже в исполнении горлового пения хоомей. К примеру, можно назвать шамана, певца горлового пения хоомей Монгуш Лазо Довуевича и Ооржака Николая Мунзуковича (руководителя группы горлового пения «Ун-Хун», народного целителя, шамана), которые танцуют, исполняя тувинское горловое пение хоомей [8]. Шаман от Темных Небес Николай Мунзукович Ооржак (Тува) исполнял обряд передачи духов в реке Руза (28.09.2003) в фильме Юлии Фрай. В обряде принимали участие: Олард Диксон, Хосхан, Баюн, Юктэ, Шончалай Ховенмей и др. Ходили по кругу вокруг костра сначала против часовой стрелки, затем по часовой. Ударяя бубном, поднимали его то на правую сторону, то на левую, и временами кружились на одном месте, ритмически притопывая и выкрикивая. В конце обе руки поднимают вверх, произносятся какие-то слова, и ритуал завершается поклонением к земле. Под звон бубна шаманы совершают спонтанные танцевальные па, закрыв глаза. Все заняты собой, некоторые из них предаются изменённому состоянию сознания, пытаются раствориться в трансе (С точки зрения учёного Д.А. Функа, «эпический певец и шаман в традиционном обществе» знает нескольких основных направлений способов вхождения в изменённое состояние сознания и выхода из него).

Также можно привести в пример профессионального танцора Тувинского государственного ансамбля «Саяны» Монгуш Донгака, который виртуозно исполнил танец шамана: он также прыгал на сцене по кругу, ударяя в бубен и выкрикивая. Затем на одном месте монотонные ритмические прыжки поочередно на правой и на левой ноге. И резкий удар в бубен сопровождается махом руками вверх в то на правую, то на левую сторону, с ударами в бубен. И затем круговые вихревые движения, с ударами в бубен, как бы показывая кульминацию танцевальной композиции. И в конце танец заканчивается резким скачком вверх и резким приседом на пол, с поднятием руки вверх с бубном и выкриками. Исполнение было очень виртуозно и профессионально.

Танец, по мнению М. Кроуэна, смог стать искусством лишь после того, как магические и практические верования были заменены тем,

что традиционно, начиная с И. Канта и А. Шопенгауэра, называется эстетическим отношением.

В данный период танец шамана проходит переходный этап, от ритуала к искусству. А когда его исполняет актер, то это становится вершиной мастерства. Танец шамана в исполнении самого шамана заключается во вхождении в измененное состояние сознания, поэтому у него ноги не танцующие, а танец шамана в исполнении артиста направлен прежде всего на технику и хореографическое исполнение композиции.

Список литературы:

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удегейцы. Владивосток, 1926.
2. Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990.
3. Кужугет А.К. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX в.). Кызыл: Тувакнигоиздательство, 2003.
4. Лопатин И.А. Лето среди орочей и гольдов. Владивосток, 1913.
5. Монгуш К-Л. М. Алгыши тувинских шаманов. Тыва хамнарнын алгыштары. Кызыл, 1995.
6. Потанин А.В. Из пугешествий по восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Из странствий по Урянхайской земле. М., 1895.
7. Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916.
8. Тувинский шаман Н. Ооржак. Обряд передачи духов. 28.09.2003. Опубликовано: 16 дек. 2012 г. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=iO7KqHYLJtg> (Дата обращения 25 августа 2014 г.).
9. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М., 2012.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XI международной научно-практической конференции

№ 9 (40)

Сентябрь 2014 г.

Подписано в печать 23.09.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,125. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3